

Г-И ЭКЗ.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

1915

№ 2

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

25 205

СОДЕРЖАНИЕ № 2.

Сбс всемъ: 1) Война и беллетристи, 2) „Лучшій другъ желудка“.

Юрій Слезкинъ, „Нищенка“ (разсказъ).

П. Соловьева (Аллего). „Красный сумракъ“, „Вечерняя молитва“ (стихотворенія).

Д. Мережковский. „Байронъ“. (II. „Жизнь Байрона“.)

В. Шипулинскій. „Веселая нѣмка“ (разсказъ).

Н. Коробка. „Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“.

Ю. Слонимская. „Въ защиту публики“ (статья).

Объ искусствахъ и литературѣ. „Вѣсти и мнѣнія“. **Д. Ф.** „Весеннее порошье“.

ХРОНИКА.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

В. А. Сѣровъ (1865—1911 гг.), Набросокъ карандашомъ къ „Квартету“ Крылова. (Воспроизводится впервые.) стр. 3

В. Яннауръ. „Фуксии“ (рис.) стр. 7

А. Бражникова „Рисунокъ“ стр. 10

А. Соборова. „Аллея“ (рис. перомъ) стр. 11

ПОРТРЕТЫ: **Г. С. Сновороды** (1722—94 гг.), **Г. Ф. Квитки** (1778—1843 гг.), **Т. Г. Шевченки** (1814—1861 гг.) и **Н. И. Костомарова** (1817—1885 гг.) стр. 17, 19 и 20

Къ статьѣ Н. И. Коробки снимки заимствованы изъ книги „Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“, СПБ., 1914. Т. I.

Польскій замокъ „Рудники“ (съ литогр. 30-хъ годовъ) стр. 15

Военныя иллюстраціи: „Британскій лагерь“ (стр. 1), „Отобранныя у германцевъ мортиры“ (стр. 2), „Посѣвъ и жатва“ (стр. 2), „Разрушенія въ Ипрѣ“ (стр. 5), „Англичакн-санитары“ (стр. 12), „Поимка шпіона“ (стр. 13).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на ПЕРВЫЙ русский
иллюстрированный ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ еженедѣльникъ

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

выходящій съ октября 1914 г.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—первый русский иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлю—соединить художественность и серьезность съ занимательностью и разнообразіемъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—литературно-публицистическій журналъ. Въ области изящной литературы онъ ищетъ прежде всего самобытности и свѣжести, въ публицистикѣ—углубленнаго толкованія текущихъ вопросовъ, нынѣ же—преимущественно вопросовъ, связанныхъ съ войной. „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ отстаиваетъ въ своихъ политическихъ статьяхъ прогрессивныя начала въ государственной ихъ постановкѣ и стоитъ за сильную, свободную и единую Россію.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ охотно допускаетъ на своихъ столбцахъ принципиальные споры, поскольку они касаются философскихъ основъ политической мысли.

Каждый номеръ „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ содержитъ не менѣе двухъ большихъ разназовъ и рядъ статей и замѣтокъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ въ первыхъ же своихъ номерахъ напечаталъ

БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

А. А. Ахматовой, Александра Блока, В. Бруснынина, Б. Верхоустинскаго, З. Н. Гиппиусъ, Сергѣя Городецкаго, Н. Зворыкина, Георгія Иванова, В. М. Карачаровой, Карменъ, В. Кохановскаго, Д. А. Крючкова, А. А. Бѣль-Конь-Любомирской, В. В. Муйжеля, А. М. Ремизова, Федора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Ан. Чеботаревской, К. Эрберга и др.

И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ

Влад. Азова, проф. К. И. Арабажина, Леонида Галича, А. С. Изгоева, В. Я. Ирецкаго, проф. А. В. Карташева, Антона Крайняго, проф. М. А. Курчинскаго, Д. С. Мережковскаго, И. Накатова, проф. В. Плетнева, Е. Семенова, проф. К. Н. Соколова и др.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ печатаются еженедѣльные обзоры войны Георгіевскаго (Г. П.), а также письма съ войны собств. корреспонд. В. Сергѣева.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ удѣлено много вниманія событіямъ и теченіямъ чисто культурнаго характера: въ искусствахъ, литературѣ, наукѣ.

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедѣльно печатается отдѣлъ „Объ искусствахъ и литературѣ. Вѣсти и мнѣнія“, составленный изъ сообщений, оцѣнокъ и откликовъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедѣльно печатаетъ статью Евг. Мауринна о текущихъ театральнхъ событіяхъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ богатъ иллюстрированъ. Въ первыхъ же номерахъ были помѣщены рисунки М. В. Добужинскаго, Л. В. Квятковскаго, Д. С. Митрохина, П. В. Митурича, заставки и наброски художниковъ: Бруни, Кунса, Милашевскаго, Эиснера и др., а также многочисленныя фототюды и фотографии собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій. Въ номерѣ не менѣе 25 иллюстрацій.

Съ декабря обложка „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ будетъ печататься по способу многоцвѣтнаго печатанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ за ГОДЪ съ пересылкой—4 р. 50 к.

По 31-ое декабря 1914 г.—1 руб. (Первые четыре номера отпечатаны вторымъ изданіемъ.)

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ на 1915 г., а именно: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-му юнѣ—2 р.

Акціон. Общество ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114.

Отдѣленія конторы: 1) ПЕТРОГРАДЪ, Садовая, 20, и 2) МОСКВА, Петровскія линіи, у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

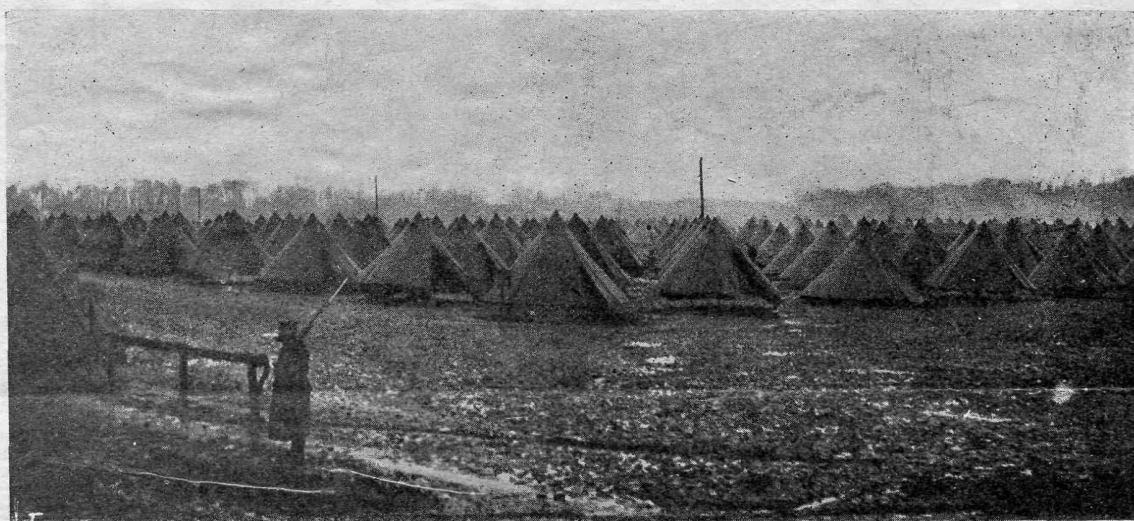
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Петроградъ.

№ 2

6 января 1915 г.

Британскій лагерь.

ОБО ВСЕМЪ.

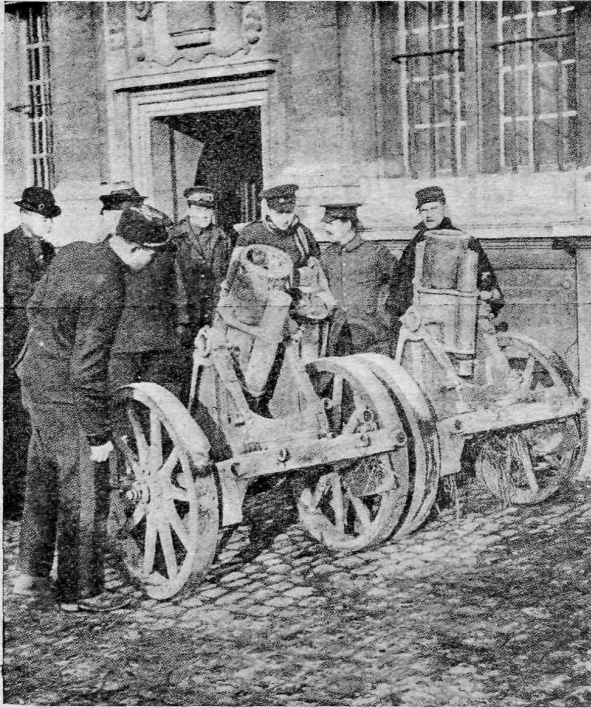
Война и беллетристы.

Много теперь пишутъ и печатаютъ «военныхъ» рассказовъ. Рождественскіе номера газетъ и журналовъ преподнесли намъ цѣлый букетъ военной беллетристики. Нѣкоторые изъ цвѣтковъ этого букета благоухаютъ, но большинство лишено всякаго аромата, напоминаетъ фарфоровые цвѣты «отъ Цвернера». Слишкомъ близки къ намъ военныя событія, слишкомъ они ярки, значительны и серьезны, чтобы служить темой для рождественской «новеллы» въ триста строкъ. Левъ Толстой написалъ «Войну и Миръ» черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ Отечественной войны; въ романѣ нѣсколько тысячъ страницъ.

Правда, у него есть еще очерки Севастополя, написанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Но именно эти «очерки» и должны были бы кой чему научить нашихъ беллетристовъ.

Всякій подлинный писатель — художникъ. А если художникъ — значитъ, глазъ его особенный, куда болѣе зрячій, нежели «обывательскій». Въ севастопольскихъ очеркахъ Толстой рассказалъ намъ, что онъ видѣлъ въ севастопольскіе дни. Конечно и въ «очеркахъ» можно уже предугадать будущаго автора «Войны и Мира». Но главная прелесть очерковъ въ томъ и состоитъ, что авторъ не подгоняетъ своихъ впечатлѣній подъ форму «новеллы», не дѣлалъ никакихъ общихъ выводовъ изъ недавно пережитыхъ событій.

Отобранныя у германцев мортиры.

Посѣвъ и жатва.

Многие из наших талантливых писателей это поняли, рѣшили ограничиться пересказомъ того, что видитъ ихъ художественный глазъ. Гр. Алексѣй Н. Толстой, Брюсовъ, Пришвинъ, Кипень, Кондурушкинъ и многие другіе отправились на театръ войны. Какъ будто настоящая всемирная война отражается только тамъ, «на театрѣ». Война видна вездѣ. Потому-то она и «народная», что нѣтъ въ Россіи уголка, гдѣ бы такъ или иначе не чувствовалось вліяніе войны. Мѣняется самая ткань народной жизни. Правда, для этихъ «биологическихъ» наблюдений нуженъ особый художественный «микроскопъ». Замѣтить, какъ отразилась война на психикѣ и бытѣ псковскихъ или тамбовскихъ мужиковъ, куда труднѣе, нежели описать разрушеніе Пясечны или Ловича. Но тѣмъ серьезнѣе и интереснѣе эта задача. Ив. Шмелевъ напр. пишетъ «военные очерки», пребывая въ глубокомъ тылу, въ какой-то мирной усадьбѣ средней полосы Россіи. Хорошо было бы, если бы его примѣръ нашелъ подражателей. Писать «военныя новеллы», сидя въ Петроградѣ,—занятіе довольно бесполезное. Газетная телеграмма или корреспонденція—куда значительнѣе всякой такой нарочито выдуманной новеллы. Почему же наши современные писатели, которыхъ Антонъ Крайній еще до войны называлъ «описателями», не рассказываютъ намъ того, что видитъ ихъ глазъ? Просто, безпритязательно, правдиво. Такіе «военные очерки» изъ жизни глубокаго тыла были бы куда значительнѣе, интереснѣе и серьезнѣе безконечныхъ «анекдотовъ», разбавленныхъ газетнымъ матеріаломъ.

„Лучшій другъ желудка“.

Примѣру Москвы послѣдовала Петроградъ. И здѣсь изгнаны «легкія виноградныя вина», благодаря чему праздники и встрѣча Нового года были лишены всякаго «рестораннаго привкуса». Въ Петроградѣ не такъ рѣзко возстали противъ пресловутаго „насилія“, какъ въ Москвѣ. Но это не

значитъ, чтобы враги „насилія“ сложили оружіе. Они ведутъ „позиціонную“ войну при помощи хитрой „сапы“. Клубъ общественныхъ дѣятелей въ Петроградѣ и Общество плодоводства вынесли резолюцію, что „виноградное вино неповинно въ нетрезвости народа“, а потому „обращенію его надлежитъ всемирно содѣйствовать“. Предсѣдатель комитета винодѣльской станціи въ Одессѣ помѣстилъ въ официальномъ органѣ министерства торговли и промышленности длиннѣйшее „письмо въ редакцію“, гдѣ витиевато комментируетъ вышеупомянутыя резолюціи. Главныя враги, молъ,—водка, а виноградное вино—„лучшій другъ желудка“. Съ точки зрѣнія частно-правовой и экономической, запрещеніе вина и водки—фактъ очень важный. Когда, при блаженной памяти гр. Витте, вводилась монополія, пропинаціонное право въ прибалтійскихъ губерніяхъ было учтено, и лишеныя этого права помѣщики получили вознагражденіе. Несомнѣно, что по окончаніи войны такъ или иначе возникнетъ вопросъ о возмѣщеніи убытковъ, понесенныхъ винокурами и винодѣлами. Убытки тѣхъ и другихъ—по существу одинаковы. И было бы куда логичнѣе, если бы защитники „винограднаго вина“, не вдаваясь въ теоретическіе споры съ союзомъ врачей-трезвенниковъ, поставили вопросъ именно на эту, вполне реальную, почву. Но въ дни общаго героическаго подъема имъ какъ-то неловко говорить объ убыткахъ, а потому они дѣлаютъ обходное движеніе и пишутъ трактаты о пользѣ „винограднаго вина“. Мягкотѣлые обыватели, скупающіе по ресторанной жизни и, какъ всѣ обыватели, свято оберегающіе „свободу личности“, конечно встанутъ на ихъ сторону. Надо надѣяться, что въ настоящіе дни особаго напряженія силъ страны эти обывательскіе доводы не повлияютъ на героическое рѣшеніе воздержаться въ военное время отъ всякаго алкоголя.

В. А. Суровъ (1865—1911) (набросокъ карандашомъ).

«Квартетъ» Крылова.

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ.

НИЩЕНКА.

Однажды вечеромъ, въ Парижѣ, мы отправились послѣ спектакля въ одинъ изъ кабачковъ на Монмартрѣ.

Два молодыхъ француза, поэтъ Эшшиманъ, критикъ Жоржъ Батольдъ, и я, русскій, Перекати-поле.

Въ низенькомъ прокуренномъ залѣ изступленно игралъ цыганскій оркестръ.

Мы заняли круглый столъ въ углу, недалеко отъ эстрады. Красное вино въ чашахъ бросало на скатерть круглыя, кровавыя пятна и возбуждало напряженно работающія мысли.

Подъ шумъ и музыку мы продолжали начатый еще по дорогѣ разговоръ о современной поэзии. Только теперь онъ сталъ болѣе острымъ, парадоксальнымъ, чуть-чуть экзальтированнымъ. Поэтъ Эшшиманъ казался самымъ непримиримымъ.

Наконецъ критикъ Батольдъ, большой

скептикъ, все время подтрунивавшій надъ увлекшимся Эшшиманомъ, замѣтилъ, оглянувшись по сторонамъ:

— Право, жизнь иногда парадоксальнѣе искусства. Сколько комедій и трагедій разыгрываетъ она ежечасно предъ нами и какъ много въ ней страннаго и необъяснимаго—конечно только потому, что мы достаточно слѣпы,—добавилъ онъ посмѣиваясь.—Но вотъ, если хотите, я познакомлю васъ съ однимъ живымъ пагало-сомъ. — И сейчасъ же крикнулъ, повернувшись въ сторону:—*m-ше Ирэнъ де ла Гизъ!*

Я поспѣдовалъ за его взглядомъ и увидѣлъ существо, сразу приковавшее къ себѣ мое вниманіе.

Это была женщина совершенно неопредѣленныхъ лѣтъ, вся покрытая какими-то пестрыми лохмотьями, ярко-красными и зелеными, какими-то кусками матерій, фантасти-

чески сшитыми другъ съ другомъ. Несмотря на безобразный гримъ, покрывавшій лицо этой женщины, ясно видны были морщины, цѣлая сѣть глубокихъ складокъ, избороздившихъ ея лобъ и щеки.

Ястребиный носъ упрямо выдавался впередъ, а черные глаза блестѣли сухимъ, почти юношескимъ блескомъ.

Она протянула намъ маленькую, худую руку и улыбаясь сѣла рядомъ.

Батольдъ предложилъ ей вина. Она медленно выпила свой кубъ и попросила ѣсть. Критикъ исполнилъ ея просьбу, наслаждаясь моимъ изумленіемъ, стараясь еще больше разжечь мое любопытство своимъ молчаніемъ.

Наконецъ онъ сказалъ, весело подмигивая:

— Итакъ, м-ше Ирэнъ, ваша рента все еще ждетъ васъ?

Она гнѣвно стукнула кулакомъ по столу и, блестя глазами, отвѣтила:

— О, чертъ! ей видно никогда не придется побывать въ моихъ рукахъ! Мы слишкомъ разнo смотримъ на вещи, сударь.

Смѣясь отъ души, Батольдъ подхватилъ:

— Увы, это—чистѣйшая правда: она съ каждымъ годомъ пухнетъ, а вы...

М-ше Ирэнъ перебила его волнуясь:

— А я превращусь въ солдатскій сухарь!

Этотъ возгласъ, похожій скорѣе на вызовъ, чѣмъ на жалобу, заставилъ насъ всѣхъ троихъ разсмѣяться.

Трудно было себѣ представить чтонибудь еще болѣе тощее.

— Но что это за рента, господинъ Жоржъ?—наконецъ не выдержалъ я, окончательно сбитый съ толка.

— Рента? Вы спрашиваете, что такое рента м-ше Ирэнъ де ла Гизъ?—патетически подхватилъ Батольдъ.—Вы слышите это, сударыня? Онъ, этотъ иностранецъ, хочетъ насъ увѣрить, что ничего не знаетъ о вашей рентѣ, о рентѣ, приносящей двадцать тысячъ годового дохода законной ея обладательницѣ, м-ше Ирэнъ де ла Гизъ, о единственной въ своемъ родѣ рентѣ, которой не хотятъ пользоваться!

— Я ничего не понимаю.

— Вы не понимаете?

Батольдъ пристально посмотрѣлъ на меня,

тая въ глазахъ своихъ искры смѣха, все еще вспыхивающія, потомъ помолчавъ сказалъ уже совершенно серьезно:

— Но, если бы я самъ понималъ чтонибудь во всей этой исторіи!

М-ше Ирэнъ, пережевывая кусокъ баранины, отвѣчала невозмутимо:

— А однако все это такъ просто!

— Просто, чертъ возьми!— снова оживляясь, крикнулъ Батольдъ,—это мнѣ нравится! Такъ расскажите же иностранцу свою исторію, пусть онъ разберется въ ней по своему.

Не подымая глазъ отъ тарелки, женщина молвила:

— Вы думаете, что мнѣ это доставитъ большое удовольствіе? А, да-нѣтъ... Напримѣръ я предпочитаю ѣсть мою баранину, пока она не остыла! И потомъ—что же тутъ удивительнаго?—каждый устраиваетъ свою жизнь, какъ ему нравится. Что бы вы сказали, если бы вамъ подарили миллионъ съ непремѣннымъ условіемъ носить, никогда не снимая, намордникъ?

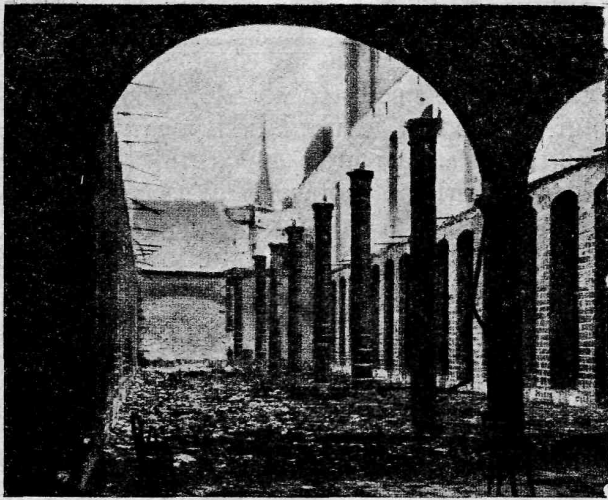
— Намордникъ? что за дикая фантазія?

— Не правда ли? А мнѣ поставили почти что такія же условія...

Критикъ всплеснулъ руками, все больше приходя въ волненіе:

— Вы слышите, что она говоритъ? Нѣтъ, нѣтъ, тогда я расскажу все самъ. Слушайте и старайтесь понять.

Прежде всего знайте, что предъ вами—отпрыскъ одной изъ лучшихъ нашихъ семей, когда-то увѣнчанной рыцарской славой, обласканной королями, обладающей несмѣтными богатствами. М-ше Ирэнъ родилась не въ столь пышное время, но все же съ пеленокъ была окружена всяческимъ комфортомъ и готовилась занять видное мѣсто въ нашемъ парижскомъ свѣтѣ. Ея дѣтство и отрочество протекли въ самыхъ нормальныхъ условіяхъ. Родители ея были здоровы, уважаемы, богаты. Если природа не очень щедро надѣлила своими дарами м-ше Ирэнъ, то зато у нея не было недостатка ни въ чемъ другомъ—она могла жить, какъ живутъ сотни подобныхъ ей дѣвушекъ, спокойной, сытой, счастливой жизнью, но она этого не захотѣла, или, просто, ей это не удалось. Какъ знать, въ жизни бываютъ такія неожиданныя данности. Но въ концѣ концовъ это еще не такъ страшно и во всякомъ случаѣ

Ирь. Деталь разрушенной ратуши.

Ирь. Воронка отъ германскихъ снарядовъ.

вполнѣ допустимо. Мало ли мы видали ошибокъ—въ молодости ихъ дѣлаютъ на каждомъ шагу,—и тутъ нѣтъ ничего неисправимаго. Но здѣсь-то и начинается путаница, въ которой самъ чертъ себѣ сломаетъ ногу.

М-ше Ирэнъ полюбила лакея. Что же! встрѣчаются часто красивые лакеи и еще чаще легкомысленныя барышни. Все это довольно банально, не правда ли? Тѣмъ болѣе что отъ этой связи м-ше Ирэнъ не стала матерью. Свѣтъ не мѣшаетъ любить кого угодно, если изъ этого не дѣлать скандала. Но м-ше Ирэнъ полюбила слишкомъ серьезно. А отъ серьезнаго до смѣшнаго и даже до сумасбродства одинъ только шагъ. Лакей рассчиталъ очень вѣрно: онъ любилъ азартныя игры, его любила барышня — каждый долженъ былъ слѣпо служить своей страсти.

Не такъ ли, м-ше? Вы видите, она совершенно равнодушна къ тому, что я говорю.

Итакъ, пришлось доставать деньги. Кончилось все весьма печально. Лакея выгнали вонъ, а съ нимъ вмѣстѣ сбѣжала Ирэнъ. Весь Парижъ заговорилъ объ этомъ побѣгѣ. Отецъ м-ше, старый сановникъ, поднялъ на ноги всю полицію, но когда узналъ, что дочь его видѣли въ какомъ-то кабацкѣ съ бывшимъ лакеемъ, — рѣшилъ замѣять дѣло. Былъ пущенъ слухъ, что Ирэнъ стала жергвой апашей.

Сначала любовники жили довольно сносно на то, что они успѣли похитить. Лакей удачно игралъ въ рулетку, м-ше цѣ-

лая ночи поджидала его дома. Но однажды любовникъ вернулся безъ сантима. Онъ избилъ м-ше де ла Гизъ и выгналъ ее на улицу. Тогда она вспомнила, что когда-то брала уроки пѣнія у знаменитаго профессора, и пошла по дворамъ распѣвать свои пѣсенки. Сострадательныя кухарки и портѣ бросали ей свои су, которые она относилла любовнику.

Онъ билъ ее еще сильнѣе, напивался пьянымъ, проклиналъ свою долю и игралъ въ кости подъ воротами или въ грязныхъ кабакахъ съ апашами. На службу поступить онъ не хотѣлъ, боясь навести полицію на свой слѣдъ и попасть въ тюрьму.

Наконецъ послѣ одной крупной ссоры съ товарищами, когда дѣло дошло до ножещины и нагрянула полиція, бывший лакей долженъ былъ бѣжать изъ Парижа.

Наши любовники пошли по дорогамъ изъ города въ городъ, изъ села въ село.

М-ше Ирэнъ выучила своего спутника играть на гитарѣ. Такъ началось ихъ бродяжничество.

Кто знаетъ человѣческую душу? Кто распутаетъ этотъ чертовъ узелъ?

Можетъ быть, послѣ грязныхъ кварталовъ Парижа, кишачихъ бѣднотой, всѣми отребьями человѣческаго общества, пропитанныхъ всѣми зловоньями этого гигантскаго города—тишина полей, безконечная лента дороги, высокое небо, вольный вѣтеръ, старые мудрые вязы, слѣдящiе вашъ путь,—можетъ быть, все это показалось раемъ измученной любящей женщины; можетъ быть,

беспомощность этого лакея, впервые попавшаго въ чуждую обстановку и потому притихшаго, оробѣвшаго, показалась ей нѣжностью, въ которой она такъ нуждалась.

Кю знаетъ, что сдѣлало ее, благовоспитанную бѣрышню, записной бродяжкой, приходящей въ ужасъ отъ одной мысли вернуться къ прежней спокойной жизни. Но съ этого времени она уже не разстается съ сумою нищенки, съ бубномъ уличной пѣвочки.

Она стала похожа на солдатскій сухарь, она подурнѣла, постарѣла, вѣтеръ, дождь и солнце избородили ея лицо преждевременными морщинами, но сердце ея пѣло самую веселую свою пѣсню.

Лакей зачахъ быстро. Онъ тосковалъ по картамъ, по товарищамъ, по своей разгульной жизни, можетъ быть, по своимъ бѣлымъ перчаткамъ лакея. Его душа, душа городского паразита, томилась, не находя по дорогамъ того, что она привыкла считать человѣческимъ существованіемъ.

Онъ сталъ добрѣе, трусливѣе, ничтожнѣе—она любила его все больше.

Наконецъ онъ свалился, онъ не могъ идти дальше.

Она свезла его въ больницу, и онъ умеръ у нея на рукахъ. Теперь она осталась одна, страдающая, но все же свободная. Объ этомъ узнали тѣ, кому передали свои права на м-ше ея родители, тоже умершіе въ эти годы. Не желая компрометтировать себя, ея родственники предложили ей поселиться на одной изъ ихъ фермъ въ Бургундіи. Согласно волѣ отца Ирэнъ, онъ оставлялъ ей значительный капиталъ, съ правомъ пользоваться процентами, при условіи осѣдлой, приличной жизни—онъ думалъ, что хотя бы этимъ вернетъ ее на путь истинный.

Но она не согласилась, ей была уже противна сытая жизнь. Она предпочитала ходить по дворамъ, пѣть свои пѣсни и просить милостыню. Тогда рѣшили употребить силу. М-ше въ одно изъ своихъ появленій въ Парижѣ была схвачена и отвезена на ферму. Это былъ очаровательный уголокъ, полный розъ, окруженный виноградниками, пронизанный солнцемъ

Надо отдать справедливость опекунамъ,

они устроили все, что могли, для комфорта—они недаромъ хотѣли пользоваться частью процентовъ, которую должны были получать съ капитала опекаемой въ случаѣ перемѣны образа ея жизни.

М-ше Ирэнъ стала жить по-человѣчески.

Полная, круглая, какъ мячикъ, м-ше Жиго откармливала и ухаживала за нею. Но въ одно прекрасное утро почтенная экономка, придя посоветоваться относительно какого-то блюда въ спальню хозяйки, не застала ея дома. Постель оказалась несмятой, платье аккуратно висѣло на вѣшалкѣ, въ бюро лежали нетронутыми деньги..

М-ше Ирэнъ прервала рассказчика громкимъ смѣхомъ. Она тряслась всѣмъ своимъ тощимъ тѣломъ, всѣми своими пестрыми тряпками, обуреваемая приступами дикой веселости.

— Нѣтъ, это, я вамъ доложу, былъ номеръ!—наконецъ выкрикнула она:—никто не замѣтилъ, какъ я удрала, чертъ возьми! Больше они меня уже не поймаютъ.

Батольдъ развелъ руками, глядя на меня. Поэтъ Эшшиманъ, все время хранившій молчаніе, печально улыбнулся.

Я попробовалъ спросить:

— Но почему же, почему, сударыня, вамъ такъ претитъ спокойная жизнь?

Она посмотрѣла на меня съ нескрываемымъ удивленіемъ, потомъ презрительно усмѣхнулась:

— Есть вещи, которыя не дано понять всѣмъ. Это слишкомъ долго объяснять. Но нужно только разъ попробовать, чтобы никогда не отвыкнуть. Какъ вино, какъ карты, какъ охота! Нѣтъ, вы этого не поймете, несмотря ни на что.

Она вскочила со стула, щелкнула пальцами, повернулась вокругъ себя и запѣла какую-то веселую пѣсенку, потомъ, разомъ оборвавъ, обратилась ко мнѣ, хитро подмигивая, съ особымъ видомъ нищенки и понижая голосъ:

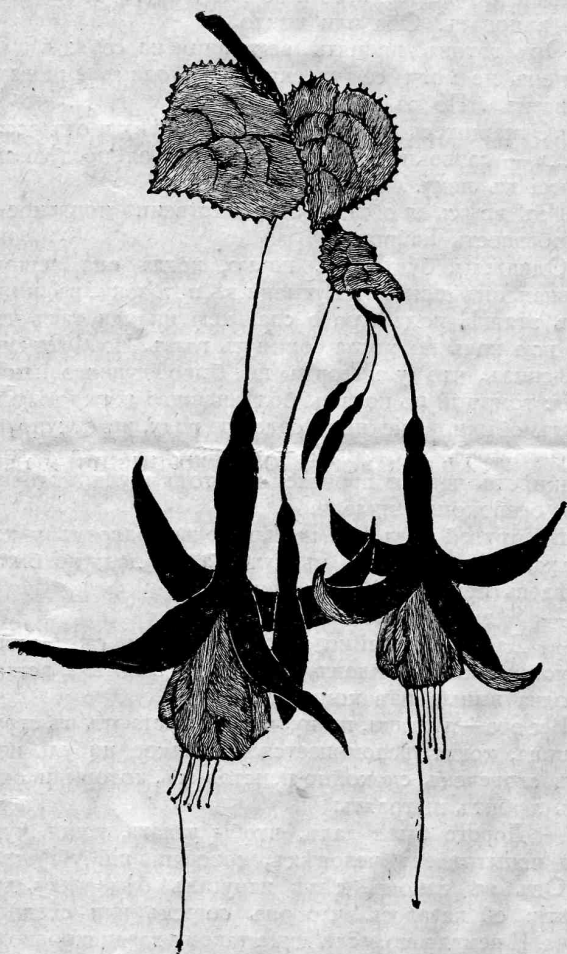
— Не найдется ли у васъ, сударь, четырехъ су на ночлегъ м-ше Ирэнъ де ла Гизъ?

Юрій Слезкичъ.

Красный сумракъ.

Я остался свершать свое дѣло,
Я на этомъ стою берегу,
Но того, что мнѣ совѣсть напѣла,
Позабить не могу, не могу.
Если мглою беззвѣдно-вечерней,
Алой мглою все небо полно
И, какъ будто начертаны чернью,
Вѣтви липы узорятъ окно,—
Этотъ сумракъ уныло-багровый
Не даетъ мнѣ свободно вздохнуть:
Озаряетъ онъ правдою новой
Гордо мною отвергнутый путь.
Нѣжно въ душу мою не гляди же,
Словомъ ласковымъ сердца не тронь..
Красный сумракъ все ближе и ближе
Это—кровь и огонь.

П. Соловьева (Allegro).

Вечерняя молитва.

Средь вечернихъ мгновений вздыхающихъ
Я душою, какъ птица, притихъ,
И молюсь я за всѣхъ умирающихъ
И за тѣхъ, кто при нихъ.

Близки мнѣ всѣ чужіе и дальніе,
Въ сердцѣ боль болью сжатыхъ сердець
Въ эти страшные миги прощальные
Съ тихимъ словомъ: «конецъ».

И какъ пчелы съ цвѣтовъ увядающихъ
Собираютъ сладчайшій свой медь,
Такъ душа моя съ душъ отлетающихъ
Всю любовь соберетъ.

Тѣ слова о послѣднемъ прощени,
Что не вымолвить мертвымъ устамъ,
Всѣ въ безсловномъ вечернемъ молени,
Всѣ я Богу отдамъ.

П. Соловьева (Allegro).

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ.

БАЙРОНЪ.

II. Жизнь Байрона *).

Это началось рано, едва ли не съ первыхъ проблесковъ сознанія.

Въ столкновенияхъ съ матерью весь «демонизмъ» его съ тѣмъ безстыдствомъ боли, «цинизмомъ страданія», которые свойственны «демону превратности»,—уже налицо. Если вѣрить всему, что этотъ 15-лѣтній мальчикъ говоритъ и дѣлаетъ съ матерью, все-таки любимой и любящей, несмотря на все страшное несходство или, вѣрнѣе, страшное сходство характеровъ, то въ самомъ дѣлѣ можно считать его за изверга.

Въ письмахъ къ сестрѣ Августѣ онъ называетъ мать не иначе, какъ «старухою», «вдовою», «Гидрою». «Лицо мое исказилось, когда я узналъ, что она прѣехала» (1806 г.)... «Я начинаю думать, что она—сумасшедшая... И такую женщину я долженъ называть матерью!.. Какое счастье, что она—только моя мать, а не жена, и что я могу разстаться съ нею, когда захочу!..» (1804 г.)

Одна изъ ссоръ ихъ была такъ ужасна, что оба отправились порознь къ аптекарю, узнать, не брать ли другой яда, чтобы отравиться.

Уже взрослый, купаясь однажды (1810 г.), указалъ на свою хроную ногу пріятелю и заговорилъ о матери:

— Этимъ я обязанъ ея ложной стыдливости во время родовъ. А между тѣмъ, какъ помню себя, она не переставала меня этимъ попрекать и мучить. За нѣсколько дней до нашей послѣдней разлуки, въ припадкѣ бѣшенства, прокляла меня и пожелала, чтобы душа моя была такъ же искалѣчена, какъ тѣло.

А все-таки они любили другъ друга: если бы меньше любили, то не мучались бы такъ. Только не понимали, что любить. Когда она умерла, онъ просидѣлъ всю ночь одинъ у ея изголовья, рыдая: понялъ наконецъ, что любить.

Съ женою повторилось то же, что съ матерью, только еще съ большею мукою.

Никто не вѣрилъ, чтобы Байронъ могъ жениться на комъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе на миссъ Мильбанкъ, этой «математической Медеѣ», «Принцессѣ параллелограммовъ», какъ онъ самъ называлъ ее впоследствии. Казалось, что и женится, какъ дѣлаетъ все, только изъ духа противорѣчія, духа «превратности», или изъ какой-то безумной шалости: какъ тогда—въ Геллеспонтѣ, такъ теперь кидается въ еще болѣе опасное, брачное, море.

И всего удивительнѣе, что, будь леди Байронъ немного умнѣе и добрѣе, они были бы счастливы.

— Уморительная вещь,—говаривалъ старый слу-

га его, Флетчеръ:—я не зналъ ни одной женщины, которая не умѣла бы водить милорда по стрункѣ, кромѣ миледи.

Разводъ ихъ—исторія темная. Вотъ ужъ цѣлое столѣтіе объясняютъ ее и все не могутъ объяснить. Кто виноватъ? Оба или никто.

Онъ готовъ принять всю вину на себя: «Я ни въ чемъ не могу ее упрекнуть... я одинъ виноватъ во всемъ». Но въ чемъ же именно?

«Откажитесь отъ водки, отъ стиховъ и отъ всего дур...»—слово не кончено: это изъ ея послѣдняго письма къ нему.

Изъ всѣхъ ея обвиненій единственно понятное—нелюбовность Байрона.

Однажды, будто бы, ночью, когда она лежала больная, онъ швырялъ бутылки въ потолокъ, въ нижнемъ этажѣ, подъ самою спальнею миледи, такъ что она всю ночь не могла сомкнуть глазъ. Но Флетчеръ объяснилъ, что у милорда не было дурного намѣренія: томимый по ночамъ болѣзненною жаждою, онъ имѣлъ обыкновеніе пить содовую воду, не откупоривая бутылку, а отбивая каминными щипцами горлышки, отъ чего и происходилъ тотъ шумъ, который такъ беспокоилъ миледи.

Въ другой разъ они сидѣли ночью вдвоемъ у камелька. Онъ былъ не въ духѣ, а ей, должно быть, хотѣлось приласкаться къ нему.

— Я вамъ мѣшкаю?

— Да, чрезвычайно,—отвѣтилъ онъ съ такимъ «демоническимъ» видомъ, что она поблѣднѣла, встала и молча вышла изъ комнаты.

Все это—пустяки, но пустяки вырастаютъ въ страшилища, когда вспоминается ей какое нибудь изъ тѣхъ словечекъ, спокойной-неистовыхъ, которыми онъ такъ любитъ щеголять:

— Дорого бы я далъ, чтобы узнать, какія чувства испытываетъ человѣкъ, совершившій убійство.

Онъ въ самомъ дѣлѣ напугалъ бѣдняжку до смерти: ей казалось, что онъ сошелъ или сходить съ ума. И немудрено, если даже такому хладнокровному наблюдателю, какъ Стэндалъ, казалось то же. Да и самъ Байронъ впоследствии, тщетно стараясь припомнить, чѣмъ напугалъ и оскорбилъ жену, вовсе того не желая, спрашивалъ себя: былъ ли онъ тогда дѣйствительно въ полномъ разсудкѣ?

А леди Байронъ такъ увѣрилась въ его сумасшествіи, что наблюдала, шпионила, обыскивала вещи его; нашла пузырекъ съ опиумомъ и безнравственную книжку, а изъ медицинскаго журнала вычитала признаки «мозговой водянки». Пригласила врачей по душевнымъ болѣзнямъ, чтобы освидѣтельствовать мужа. Требовала развода и намекала, что «ея рѣшеніе вызвано поступками слишкомъ гнусными, чтобы о нихъ говорить»; произошли будто бы вещи, кото-

*) См. „Голосъ Жизни“, № 1.

рыхъ она еще никому не открыла, но откроетъ, если дѣло дойдетъ до суда и если это будетъ необходимо, чтобы выиграть тяжбу... Что это? Не «кровосмѣшеніе» ли съ Августою?

Ему грозилъ уголовный судъ или горячая рубашка.

«Много у меня было враговъ, но ни одного подобнаго тебѣ».

(«I have had many foes, but none like thee».)

Да, съ женою повторилось то же, что съ матерью: любилъ и самъ не зналъ, что любить, а когда узналъ, то было поздно.

До конца не хотѣлъ развода. «Я приглашаю леди Байронъ вернуться ко мнѣ и протестую противъ всѣхъ попытокъ насъ разлучить»,—писалъ почти наканунѣ развода (февраль, 1816 г.), а послѣ него три дня не ѣлъ и такъ былъ боленъ, что едва остался живъ.

«Уходишь ты—и жизнь моя уходитъ»...

(«By the forsaken, ewen my soul firsakes ne now».)

«Бѣлла, дорогая Бѣлла, я васъ люблю... и буду любить до послѣднихъ предѣловъ моего сознанія и жизни (1816 г.)».

Рукопись «Far the well», «Прощанія» съ женою, покрыта пятнами слезъ: писалъ и плакалъ.

И черезъ годъ, уже уѣхавъ изъ Англій, все еще надѣется:

«Я не знаю причины развода... Но я всегда готовъ и буду готовъ на примиреніе, чего бы отъ меня ни потребовали».

И умирая вспомнилъ о ней:

— Скажите, скажите ей все...

Но «Принцесса параллелограммовъ, добродѣтельная Климентистра» не сжалилась.

— Меня вернуть къ нему только силою,—говорила она и радовалась, что «спаслась отъ мужа».

Такъ и не поняла, въ чемъ дѣло. Была не злая и не глупая женщина; но все, что онъ ненавидѣлъ, воплотилось въ ней.

«Ты добродѣтель сдѣлала порокомъ»...

Какъ ты—со мной, не поступилъ бы я».

И «добродѣтельная» Англія почувствовала въ ней свое воплощеніе,—возстала на него, какъ одинъ человекъ.

Предъ отъѣздомъ его леди Джерси устроила ему прощальный вечеръ. Когда онъ вошелъ, всѣ отшатнулись отъ него. Онъ поблѣднѣлъ, и казалось, что ему будетъ дурно.

Только званіе лорда спасло его отъ тюрьмы.

Бѣжать, бѣжать, куда глаза глядятъ, изъ этой проклятой страны! («from this cursed country»).

«Странъ я всякой буду радъ,—

Лишь не странъ родной».

«Я испытываю отвращеніе къ моей родинѣ, но не предпочитаю ей никакой иной страны. Я—какъ тотъ «Веселый Мельникъ», никого не любящій и никому не любимый... Всѣ страны міра для меня равны»... Это говорилъ онъ еще раньше, въ первый отъѣздъ изъ Англій (1810 г.), и теперь (1816 г.) могъ бы сказать то же.

Опять, какъ тогда съ женою и съ матерью, «демонъ смѣха» овладѣваетъ имъ. Хочетъ плакать—

и смѣется. «Я мало жалѣю родину и не хотѣлъ бы ее увидѣть снова для нея самой... а развѣ только для м-ра Вайтса, потому что здѣсь, въ Венеціи, я не могу найти хорошаго зубного врача»...

Но тотчасъ же смѣхъ переходитъ въ судорогу «безмолвнаго бѣшенства», «silent rage».

«Что касается Англій, то я жалѣю объ одномъ, что нога моя когда либо ступала на эту землю. Я увѣренъ, что кости мои не нашли бы въ ней покоя, и прахъ мой не смѣшался бы съ нею. Мнѣ кажется, что я сошелъ бы съ ума на одрѣ смерти при одной мысли, что кто нибудь изъ друзей моихъ былъ бы такъ низко, чтобы вернуть мой остовъ вашей англійской землѣ... Я не хотѣлъ бы кормить даже вашихъ червей».

Страшныя слова, какъ будто въ самомъ дѣлѣ нечеловѣчскія.

Плохи англичане, но плохи и люди вообще. «Я презираю васъ, собаки!»—говоритъ онъ англійскимъ литераторамъ и могъ бы сказать всѣмъ своимъ ближнимъ. Онъ это и дѣлаетъ въ знаменитомъ надгробіи ньюфаундлэндскому псу, вѣрному «Ботсвейну», «своему единственному другу», рядомъ съ которымъ завѣщалъ себя похоронить; перечисливъ всѣ его добродѣтели: «красоту безъ тщеславія, силу безъ гордости, храбрость безъ жестокости»,—заключаетъ: «эта хвала—безумная лесть на могилѣ человека, но справедливая дань памяти вѣрнаго пса».

И въ «Тъмнѣ» («Darkness»), когда на обледенѣлой землѣ голодные люди, какъ хищные звѣри, пожираютъ другъ друга,—

«Одинъ лишь пестъ остался трупъ вѣренъ»...

Все лизалъ

Онъ руку безотвѣтную на ласку».

«Люди хуже собакъ». А онъ самъ кто? «Не человекъ, а дьяволъ, холодный и безчувственный?»

Объ этомъ знаетъ сестра его, Августа, которая кладетъ руку на голову его съ тихою ласкою:

«Baby Byron! Дѣточка Байронъ!» Что за «дьяволомъ»—«дѣточка», знаетъ она лучше всѣхъ. Но и другіе знаютъ. Знаетъ молодой другъ его, Мэттьюсъ (Matthews); «я бы охотно пожертвовалъ своею жалкою жизнью, чтобы спасти его»,—писалъ Байронъ, услышавъ о смерти Мэттьюса. Знаетъ старый другъ Гобгаузъ, который вспоминаетъ о «нѣжной добротѣ Байрона». Знаетъ врагъ его, Годжсонъ, который, нуждаясь въ деньгахъ, получилъ отъ него, безъ всякой просьбы, 1.500 фунт. на свадьбу. «Мнѣ сегодня удалось сдѣлать счастливымъ одного человека»,—записалъ Байронъ въ своемъ дневникѣ. Знаетъ бѣдный типографщикъ въ Венеціи, у котораго сгорѣло все имущество: Байронъ былъ на пожарѣ случайно и, видя, что тушеніе невозможно, велѣлъ передать ему просьбу зайти, дать записку къ своему банкиру, и бѣднякъ получилъ 360 дукатовъ. Знаютъ другіе бѣдняки безчисленные: «никогда не встрѣчалъ онъ бѣднаго, чтобы не помочь ему (Том. Муръ)»; изъ 100 т. фр., которые издерживалъ въ Итали, 25 т. шло на бѣдныхъ. Знаютъ крестьяне Венеціанской области, которымъ онъ помогалъ во время голода. Знаетъ маленькая Гато, турчанка, которая вмѣстѣ съ матерью попала въ руки греческихъ солдатъ въ Миссолонгахъ: мать отдала ее Байрону,

и не ошиблась: онъ былъ для нея нѣжнѣе матери. Знаетъ любовница его, 17-лѣтняя гр. Гвичіоли, которой этотъ «развратникъ» написалъ однажды признаніе любви съ «изступленной стыдливостью», нарочно по-англійски, чтобы она не могла понять, только съ двумя словами на ея родномъ языкѣ: «amor mio». Знаетъ Шелли, который утонулъ почти на глазахъ его: «Я хочу испытать силу волнъ, погубившихъ его!»—воскликнулъ Байронъ, бросился въ море и уплылъ туда, гдѣ Шелли погибъ; проплывъ мило, усталъ, вернулся и впоследствии одну изъ причинъ болѣзни, которая свела его въ могилу, видѣлъ въ этой «глупой шалости». Знаетъ великій чело-вѣколюбецъ Мадзини, который всю жизнь благоговѣнно чтилъ память Байрона. Знаетъ Гете, кото-рый, незадолго до смерти его, писалъ въ посланіи къ нему:

«Онъ могъ бы счастливъ быть,
Когда бы зналъ себя, какъ я—его».

Но, кажется, первый узналъ объ этомъ одинъ малышъ въ школѣ Гарроу: когда рослый и сильный товарищъ билъ его линейкой по пальцамъ, подошелъ къ нимъ другой малышъ, «baby Вугоп», со слезами на глазахъ, весь красный отъ бѣшенства.

— Сколько ударовъ вы намѣрены дать?

— А тебѣ какое дѣло, чертенокъ?

— Съ позволенія вашей милости, я хотѣлъ бы взять себѣ половину.

Уже не половину, а всѣ захотѣлъ взять себѣ этотъ «дьяволъ, холодный и безчувственный»—за Ита-лію, Испанію, Грецію, за всѣ народы угнетенные, за все чело-вѣчество.

«Отчего вы думаете, что я ненавижу васъ? Не от-

того ли, что не я — васъ, а вы меня ненавидите?» Кто кого возненавидѣлъ первый? Кажется, не онъ.

«Мою вину, быть можетъ, знаешь,—
Мое безумство можно-ль знать».

(«All my faults perchance thou knowest,
All my madness none can know».)

Своего «безумства»—безумства любви ненави-дящей—онъ и самъ не зналъ. Не понималъ, что любить ненави-дя; въ жизни такъ и не понялъ, но понялъ въ смерти:

«Пусть не могу я быть любимымъ,—
Я все-жъ хочу любить!».

(«Let, thong Y cannot be beloved,
Still let me love!».)

«Хочу любить», — сказалъ себѣ, но другимъ не сумѣлъ сказать.

Наканунѣ смерти, въ Миссолонгахъ, уже въ агоніи, въ бреду, вспомнилъ жену, друзей, Англию и все хотѣлъ что-то сказать, но не могъ, только повторялъ, обращаясь къ Флетчеру:

— Скажи имъ... скажи имъ все... ты знаешь...

Голосъ ему измѣнялъ; онъ что-то шепталъ бы-стро, глухо и невнятно.

— Слышишь, слышишь, Флетчеръ?

— Нѣтъ, милордъ, я ничего не слышу.

— Боже мой! Боже мой! Конечно...

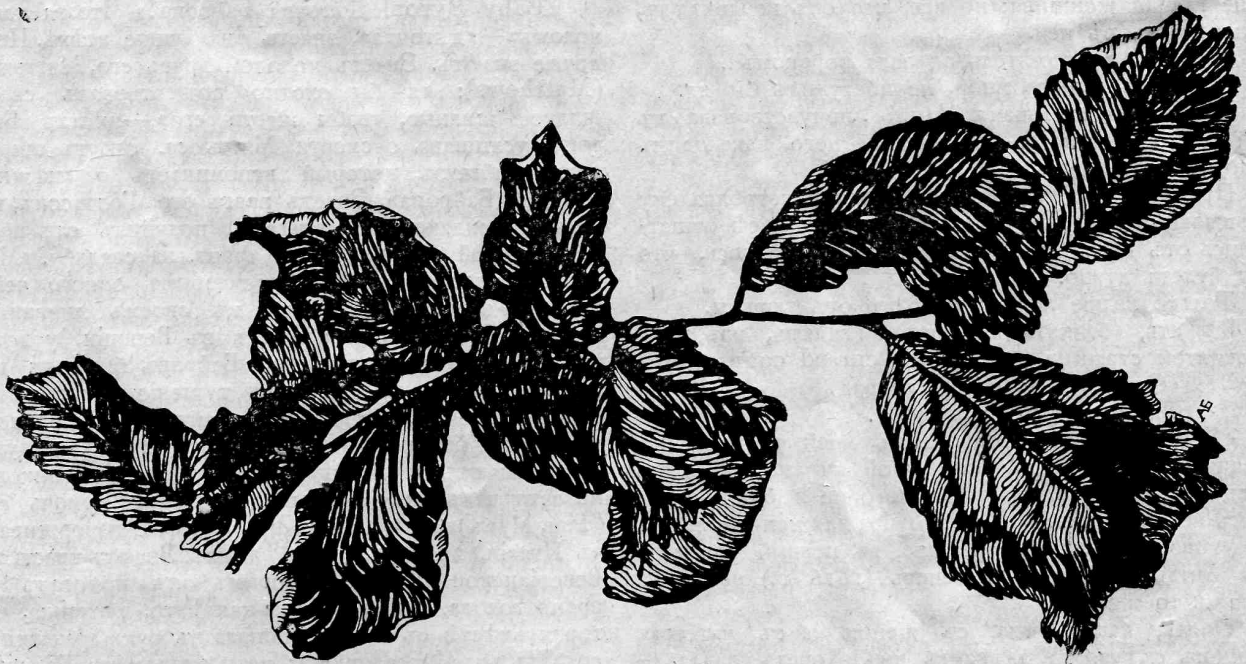
— Попробуйте сказать еще разъ.

— Не могу... поздно... конечно...

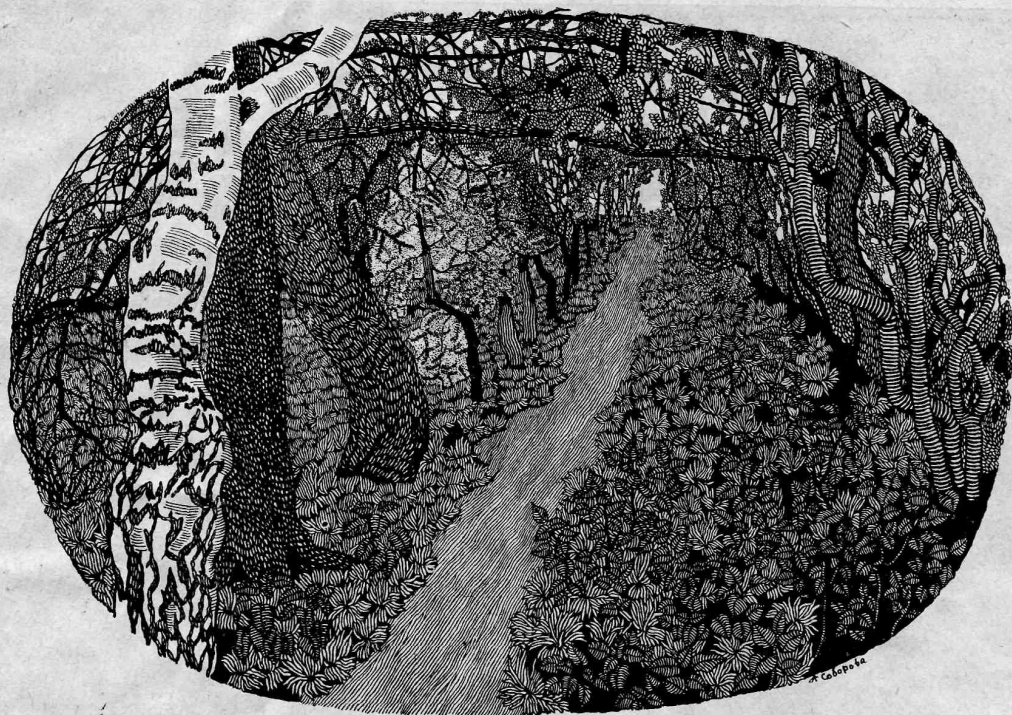
Такъ и умеръ, не сказавъ.

И вся его жизнь, вся его поэзія—тотъ же пред-смертный лепетъ, усиліе и невозможность сказать, открыть тайну любви ненави-дящей.

Д. Мережковскій.

ше
пр
мѣ
ш
по
ца
ми
ти
ка
дѣ
от
мѣ
ня
за
въ
ва
бы
ин
за
бѣ

О. ШИПУЛИНСКІЙ.

ВЕСЕЛАЯ НѢМКА.

(По разсказамъ бѣженцевъ.)

Среди бѣглецовъ разореннаго Западнаго края, нашедшихъ себѣ пристанище въ Москвѣ, мое вниманіе привлекла группа жителей маленькаго пограничнаго мѣстечка В*, Сувальской губерніи.

Ихъ было нѣсколько семействъ. Мелкіе помѣщичьи-поляки и торговцы-евреи; они какъ-то мало походили на своихъ земляковъ.

Въ ихъ старомодныхъ нарядахъ, открытыхъ лицахъ и наивной растерянности было что-то особенно милое, патріархальное.

И неудивительно. Мѣстечко лежало на берегу тихаго озера. Помѣщичьи усадьбы были обнесены, какъ монастыри, высокими каменными стѣнами, желѣзная дорога далеко. Главныя новости получались отъ евреевъ-скупщиковъ, возившихъ на станцію помѣщичій хлѣбъ, фрукты, масло и медъ; это замѣняло газету. И жители В*, не читали ничего, кромѣ засаленныхъ французскихъ романовъ, хранившихся въ шкафахъ помѣщичьихъ усадьбъ, да иллюстрированныхъ еженедѣльниковъ, выписываемыхъ тамъ, гдѣ были дѣти.

Даже о войнѣ они узнали по слухамъ и мало интересовались ею, пока не пришли чужіе солдаты, заставили ихъ бросить все на произволь судьбы и бѣжать.

Въ разсказахъ своихъ они постоянно упоминали о какой-то «веселой нѣмкѣ».

Мнѣ удалось подробно узнать эту исторію.

* * *

«Веселая нѣмка» много лѣтъ жила на окраинѣ В*, у самой дороги, въ старомъ барскомъ домикѣ съ садомъ, обнесеннымъ каменной стѣной.

Никто не могъ сказать точно, откуда взялось за ней это прозвище. Семейство фабриканта, у котораго она еще дѣвушкой, только что пріѣхавшей изъ Германіи, жила въ гувернанткахъ, давно уже покинуло эту мѣстность. Исчезли понемногу и прежніе знакомые.

«Веселая нѣмка» осталась въ В*, въ домикѣ, подаренномъ бывшимъ хозяиномъ, съ небольшимъ капиталомъ, позволявшимъ ей жить безбѣдно, а, по сравненію съ большинствомъ обитателей В*, даже богато.

Но къ тому времени, когда она поселилась въ В*, она уже не была больше веселой. Въ скромномъ сѣромъ платьѣ, съ черной кружевной наколкой на слегка посѣдѣвшихъ волосахъ, со спокойнымъ лицомъ—только такой ее видѣли въ В*. Лишь дѣти, когда она ласкала ихъ, вызывали на строгомъ лицѣ ея слабую улыбку.

Англичанки-санитары.

Въ то далекое время, когда недаромъ видно ее называли «веселой нѣмкой», вышла она замужъ за управляющаго фабрикой, своего соотечественника, господина Штюрца, и шесть лѣтъ прожила съ нимъ.

Вдругъ фабрикантъ разорился, и всѣ узнали, что виновникомъ разоренія былъ нѣмецъ - управляющій. Фабриканту удалось спасти незначительную часть состоянія. И то благодаря «веселой нѣмкѣ», которая во-время открыла намѣренія своего мужа. Фабрикантъ, уѣзжая навсегда, подарилъ ей за это домище въ В*.

Господинъ Штюрцъ исчезъ еще раньше, бросивъ жену, и она никогда не вспоминала о немъ.

Труднѣе ей было забыть маленькаго Франца, нѣжнаго и бѣлокураго, какъ мать, — ея единственную радость. Отецъ увезъ его съ собою, можетъ быть, для того, чтобы сильнѣе наказать мать.

Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и двадцать лѣтъ не могла забыть «веселая нѣмка» маленькаго сына. Свято хранила его игрушки, его платище, его постельку. Зимой, когда работы по дому было меньше и сугробы снѣга заваливали дорогу, она часто сидѣла въ своемъ высокомъ креслѣ у окна, держала въ рукахъ маленькую фотографію худряваго мальчика на жестяной пластинкѣ, снятую странствующимъ фотографомъ, тихо плакала и напѣвала пѣсенку, которою убаюкивала его въ колыбели:

«Я—маленькій почтальонъ...»

Эти три слова по-нѣмецки знали всѣ, кто жилъ у нея въ домѣ.

Простенькая пѣсенка о почтальонѣ въ ея душѣ неразрывно связывалась съ памятью маленькаго Франца. Порою среди работы она вдругъ задумыва-

лась, глаза ея дѣлались такими грустными, и служанки знали, что сейчасъ она начнетъ напѣвать про себя «Почтальона».

Но живая любовь не живетъ мертвымъ, а Францъ для нея былъ все равно, что мертвъ: никогда она не увидитъ его больше. Весь запасъ материнскаго незабытаго чувства она отдала дѣтямъ другихъ.

Если родила бѣдная женщина въ окрестностяхъ, ребенку были готовы и молоко, и чистыя пеленки. Добрая половина учениковъ при костелѣ была одѣта «веселой нѣмкой», и еврейская бѣднота мѣстечка хорошо знала ея доброту.

Лѣтомъ, когда цвѣли розы и зрѣли фрукты, въ саду весь день не умолкалъ гомонъ дѣтскихъ голосовъ.

Наконецъ Богъ послалъ ей «своего» ребенка.

* * *

Шесть лѣтъ прошло послѣ того, какъ у нея похитили маленькаго Франца.

Въ дождливую сентябрьскую ночь незнакомая женщина постучала въ ворота хутора.

Въ домѣ «веселой нѣмки» никому не отказывали въ кускѣ хлѣба и въ приютѣ. Молодую странницу впустили, но она ни за что не хотѣла ночевать въ теплой людской, а провела ночь въ сѣнникѣ. Утромъ женщины уже не было, а въ углу сѣнника лежалъ завернутый въ рваное одѣяльце полумертвый отъ стужи и холода ребенокъ.

Въ приколотой къ лохмотьямъ запискѣ сообщалось, что женщина—полька, что мальчику недѣля отроду, крещенъ католикомъ и названъ Стасикомъ.

Съ этого дня усадьба зажила новою жизнью.

Поимка шпіона.

Чаще останавливалась теперь предъ домомъ тельжика рыжого Нухима, дѣлавшаго закупки въ городѣ. Кромѣ обычныхъ кубышекъ съ керосиномъ и кульковъ съ сахаромъ, теперь изъ его тельжки въ домъ «веселой нѣмки» вносились коробки, перевязанныя пѣтными лентами, пакетики, и однажды, на зависть всѣмъ мальчишкамъ въ мѣстечкѣ, торжественно пріѣхалъ барабанъ.

Блѣдный голубоглазый пріемышъ сдѣлался понемногу главнымъ хозяиномъ хутора, маленькимъ тираномъ.

Служанка, посланная въ погребъ, могла вернуться оттуда хоть черезъ полчаса. Ей стоило сказать:

— Панычъ надѣлъ на меня веревочку, чтобы я была ему лошадкой.

И это оправданіе исключало возможность всѣхъ упрековъ.

— Мамо!.. Мамо!..— раздавалось то въ одномъ углу сада, то въ другомъ, и «веселая нѣмка», бросивъ работу, спѣшила на зовъ, чтобы любоваться сложеннымъ изъ осколковъ черепицы домикомъ или зеленымъ жучкомъ, заползшимъ на цвѣточную грядку.

Рѣже вынималась изъ ящичка, украшеннаго раковинами, маленькая жестяная фотографія, рѣже слышалась пѣсенка о почтальонѣ.

Однако не могла «веселая нѣмка», не могла спѣть этой самой пѣсенки для Стасика, надъ его кроваткой.

Попыталась разъ, начала уже:

«Я—маленькій почтальонъ»...

не выдержала и заплакала.

Нѣтъ, эта пѣсенка—для того, другого, у котораго она не могла отнять послѣдней ласки матери—любимой пѣсенки.

Прошли года.

Стасикъ уже почти юноша, красивый, изнѣженный, мечтательный и не по лѣтамъ серьезный отъ одиночества за высокой каменной стѣной, отъ книгъ, перечитанныхъ въ зимніе вечера, и отъ той невысказанной печали, которая съ первыхъ дней окутала его въ домѣ его матери—«веселой нѣмки».

Но вотъ огромное, страшное, неожиданное ворвалось въ тихую жизнь матери и сына.

* * *

Были сумерки. Въ столовой уже накрывали къ ужину. А Стасикъ въ синемъ фартукѣ съ ножницами за поясомъ и заступомъ въ рукахъ все еще работалъ въ саду, спѣша окопать деревья и укутать цвѣточные кусты въ солому до наступленія первыхъ осеннихъ заморозковъ. Ходили слухи, что гдѣ-то южнѣ выпалъ снѣгъ.

Занятый работой, онъ не замѣтилъ, что топотъ лошадей приблизился къ самой усадьбѣ. Надъ каменной стѣной замелькали качаясь острія пикъ, и у желѣзныхъ воротъ, которыхъ еще не успѣли закрыть, появился кавалерійскій отрядъ въ невиданной Стасикомъ формѣ. Но онъ по картинкамъ узналъ, что это были вѣроятно нѣмецкіе уланы,— о войнѣ тогда уже знали и въ В*, — и сталъ передъ ними, опершись на заступъ, какъ на саблю, словно готовясь грудью отстаивать свои владѣнія.

Молодой офицерикъ со вздернутыми блѣсоватыми усиками выѣхалъ впередъ; лошадь его, нетерпѣливо переступая ногами, топтала, къ ужасу Стасика, цвѣточныя куртины; на ломанномъ русскомъ языкѣ офицеръ сказалъ мальчику:

— Эй, парень, чья это вила?

— Это—домъ госпожи Штюрцъ,—отвѣчалъ Стасикъ, стараясь быть учтивымъ,—а вамъ что здѣсь угодно?

— Штюрцъ? Вотъ какъ! — засмѣялся офицеръ, услышавъ эту фамилію, а за нимъ и стоявшіе поближе солдаты:—значитъ, я почти у себя дома, или во всякомъ случаѣ у своихъ!

— Въ такомъ случаѣ, паренекъ,—обратился онъ снова къ мальчику,—вели, чтобы мнѣ и моимъ людямъ поскорѣе приготовили ужинъ, а самъ ступай и покажи намъ дорогу къ озеру... Да, гдѣ у васъ здѣсь поблизости казаки?

Кровь залила щеки Стасика отъ гнѣва и волненія, и онъ отвѣчалъ по-нѣмецки, чтобы быть лучше понятнымъ:

— Извините! Но пока еще вы здѣсь не у себя дома и не имѣете права приказывать и распоряжаться. Здѣсь нѣтъ негодяевъ, которые кормили бы разбойниковъ и показывали имъ дорогу!

— Не разсуждать, поросенокъ!—разсердился офицеръ, — и маршъ съ нами!.. Эй, Кноръ, сдвинь-ка этого поросеночка съ мѣста!

Прежде чѣмъ мальчикъ успѣлъ уклониться, одинъ изъ солдатъ сзади ударилъ его тупымъ концомъ копья. У мальчика отъ боли и ужаса исказилось лицо, но онъ сдержалъ слезы и закричалъ:

— Ничего!.. Убивайте меня! А я все-таки не поведу васъ, разбойники!..

Крикнулъ онъ и не выдержалъ: слезы хлынули изъ глазъ, и, въ злобѣ на обидчиковъ и на самого себя за свое безсиліе, онъ изо всей силы швырнулъ заступъ въ лицо офицеру.

Ударъ былъ мѣткій. Офицеръ схватился рукой за щеку, крикнулъ и нѣсколько лошадей сразу наступили на Стасика, свалили его съ ногъ. Мелькнули пикъ и шашки,—и мальчикъ, обливаясь кровью, вытянулся на спинѣ вдоль куртины.

Въ это время дѣвочка-подростокъ, дочь садовника, наблюдавшая изъ-за угла кухни, догадалась, что они угрожаютъ Стасику, и побѣжала предупредить отца; тотъ сейчасъ же, черезъ садовую калитку, скрытую въ кустахъ, поспѣшилъ въ мѣстечко, чтобы послать мальчишекъ за казаками, а дочь отправилъ къ хозяйкѣ.

Услышавъ, что нѣмцы вошли во дворъ и хотятъ обидѣть ея Стасика, «веселая нѣмка» схватила зажженный садовый фонарь и поспѣшила на крыльцо.

Раскрывъ дверь, она не могла видѣть, что происходитъ въ темномъ саду, свѣтъ фонаря слѣпилъ ей глаза. Но нѣмецкій офицеръ сразу замѣтилъ ее и закричалъ:

— Эй, какъ васъ тамъ! Это вы—тетушка Штюрцъ?

— Да, я—госпожа Штюрцъ, — отвѣчала нѣмка, заслоняя глаза отъ свѣта фонаря,—что вамъ угодно?

— Вотъ и отлично! — весело воскликнулъ офицеръ.—Я—тоже Штюрцъ, честь имѣю представиться: Францъ Штюрцъ, лейтенантъ прусскихъ королевскихъ улановъ! Не родственнички ли мы съ вами, тетушка? Во всякомъ случаѣ прошу любить да жаловать, а прежде всего накормите меня и моихъ ребятъ, у которыхъ, долженъ васъ предупредить, роскошный аппетитъ!

Но «веселая нѣмка» уже не слыхала послѣднихъ словъ. Фонарь выпалъ у нея изъ рукъ. Испугъ и радость смѣшались въ ея сердцѣ, и, протянувъ впередъ руки, какъ слѣпая, она быстро спустилась по ступенькамъ.

— Францъ! Францъ!—повторяла она.

Ей казалось, что она кричитъ это имя, но кричала ея душа, а изъ устъ вырывался только испуганный шепотъ:

— Францъ! Мой маленькій Францъ!

Такъ съ протянутыми впередъ руками пошла она къ лейтенанту, но вдругъ остановилась въ двухъ шагахъ отъ него, натолкнувшись на что-то, лежавшее около куртины.

Она наклонилась и глазами, уже привычными къ сумеркамъ, разглядѣла Стасика, неподвижнаго, съ изуродованнымъ лицомъ, въ грязи и крови.

Быстро выпрямилась она и въ упоръ посмотрѣла на Франца:

— Это ты сдѣлалъ?—сурово спросила она,—это ты убилъ моего мальчика?

— Ты и впрямь, тетушка, приняла меня за родственника,—засмѣялся лейтенантъ,—начинаешь говорить мнѣ «ты»!

Хотѣлъ еще что-то прибавить, но невольно умолкъ въ удивленіи.

Испуганной, растерянной женщины передъ нимъ больше не было. Строго глядѣла на него эта новая, смѣлая и гордая.

Послѣ минуты молчанія она покачала головой и произнесла съ расстановкой:

— Видно «онъ» и тебя сдѣлалъ такимъ же разбойникомъ, какъ самъ?

Нѣмецъ не понялъ ея.

Только слово «разбойникъ» оскорбило его, и онъ пригрозилъ женщинѣ:

— Осторожнѣй, мамаша! Въ этомъ дворѣ что-то слишкомъ часто насъ называютъ разбойниками. Видно вы всѣ здѣсь успѣли сдѣлаться казаками. Только смотри, какъ бы тебѣ не пришлось раскаться!

Широко раскрылись глаза ея; лейтенантъ приписалъ это страху и, довольный собой, прибавилъ торжествующе:

— Ну, да нечего разговаривать! Пора подкрѣпиться, чѣмъ Богъ послалъ, какъ говорятъ здѣсь, у васъ. Намъ скоро и въ путь. Надѣюсь, что мы и безъ поросенка найдемъ дорогу...

Ласково, ласково посмотрѣла «веселая нѣмка» на родного сына, съ которымъ пришлось свидѣться послѣ двадцатилѣтней разлуки, низко поклонилась ему въ поясъ и сказала:

— Прошу пожаловать въ домъ мой, дорогіе земляки! Я—женщина небогатая, но у меня найдется, чѣмъ попотчевать гостей. Готовить кофе я умѣю не хуже, чѣмъ тамъ, у васъ дома: еще не разучилась. А, можетъ быть, и въ погребѣ отыщется и по бутылочкѣ вина на брата.

— Вотъ такъ-то лучше! — снисходительно улыбнулся офицеръ и быстро направился къ крыльцу.

А за нимъ и уланы спѣшили, привязали коней къ деревьямъ и повалили гурьбой въ столовую.

Въ домѣ пошелъ пиръ горой.

Офицеру накрыли отдѣльно въ гостиной, вѣдь обидно было бы ѣсть за однимъ столомъ съ солдатами. Хозяйка сама прислуживала ему. Солдатамъ въ столовой подавала ужинъ работница.

Быстро опустошались блюда. Быстро осушались бутылки съ домашними наливками, виномъ и спиртомъ. Все, что годами хранилось и выдерживалось въ погребахъ и кладовыхъ, все было вынесено на столъ для гостей.

Комнаты наполнились табачнымъ дымомъ. Шумъ голосовъ въ столовой усиливался. Глаза лейтенанта начинали блестять.

Вдругъ онъ будто вспомнилъ:

— Послушай-ка, матушка, что это у тебя тамъ за хорошенькая дѣвочка выглядывала, когда мы прѣѣхали? Позови-ка ее сюда...

— Это—дочь садовника, мой господинъ,—съ поклономъ отвѣчала «веселая нѣмка»,—она еще совсѣмъ ребенокъ и отъ страха спряталась куда-то.

— Ничего! мои молодцы отыщутъ ее!—и лейтенантъ ударилъ въ ладоши.

Въ дверяхъ сейчасъ же появились два пьяныхъ гиганта, которымъ онъ отдалъ распоряженіе отыскать и привести къ нему дѣвочку.

Солдаты вышли, и скоро изъ кухни послышались крики: очевидно любопытство взяло въ дѣвочкѣ верхъ надъ страхомъ, и она была недалеко.

Хозяйка поспѣшно вышла въ сѣни, гдѣ пьяные уланы тащили упиравшуюся дѣвочку, поблѣднѣвшую отъ ужаса.

— Оставьте ее! Она пойдетъ сама,—сказала хозяйка. Наклонившись къ дѣвочкѣ, нѣжно прижала къ себѣ ее голову и что-то долго шептала ей на ухо.

Дѣвочка колебалась минуту, потомъ улыbnулась, поцѣловала «веселую нѣмку» и вошла въ комнаты.

— Ну, дѣтки, забавляйтесь!—сказала хозяйка,—а я пойду заварю кофейку.

И она пошла въ чуланъ возлѣ кухни. Долго возилась тамъ.

А, выйдя изъ чулана, сама сварила кофе въ большой кастрюлѣ на плитѣ для солдатъ и въ маленькомъ спиртовомъ кофейничкѣ для офицера.

Кухарка понесла въ столовую новыя бутылки наливки, и появленіе ея было встрѣчено криками:

— Нощ!

Скоро солдаты затянули хоромъ веселую пѣсню про тещу, и офицеръ не препятствовалъ имъ: онъ самъ занятъ былъ веселымъ споромъ съ дѣвочкой.

Наконецъ и дымящійся кофе появился на столахъ.

«Веселая нѣмка» долго смотрѣла на Франца, пьянаго, обнимавшаго дѣвочку, потомъ неслышно вышла изъ комнаты, затворивъ за собой дверь.

— Догадливая у тебя хозяйка!—захоталъ лейтенантъ и, наливъ въ кофе спирту, залпомъ выпилъ.

Дѣвочка налила ему другую чашку. Онъ выпилъ и хотѣлъ что-то сказать.

Вдругъ глаза его широко раскрылись. Съ силою оттолкнулъ онъ отъ себя дѣвочку и бросился къ дверямъ.

Двери были заперты снаружи на ключъ.

Офицеръ крикнулъ. Но въ столовой въ это время два десятка хриплыхъ голосовъ пѣли какую-то разухабистую пѣсню, аккомпанируя себѣ стукомъ ножей по тарелкамъ, и голосъ лейтенанта безсильно потонулъ въ шумѣ.

Послѣднее усиліе сдѣлалъ онъ, ударился всѣмъ тѣломъ о дверь, въ надеждѣ раскрыть ее или выломать свою тяжестью, и въ судорогахъ повалился на полъ. На губахъ его показалась пѣна.

Корчился и стоналъ онъ, катаясь по полу, а дочь садовника молча стояла надъ нимъ.

«Веселая нѣмка» ея не обманула. Дѣвочка знала, что молодой офицеръ—сынъ хозяйки, знала и то, что недаромъ хозяйка такъ долго возилась въ чуланѣ, гдѣ на полкѣ, въ глиняномъ горшкѣ, хранилась отвара для крысь...

Мертвый Францъ Штюрцъ лежалъ у дверей. Громче гремѣла въ столовой солдатская пѣсня.

Выпустивъ дѣвочку, хозяйка вмѣстѣ съ ней и съ кухаркой суетливо перебѣгала изъ комнаты въ комнату и обливала мебель, скатерти, постели керосиномъ.

Всѣ двери въ столовую были заперты и забаррикадированы шкапами, креслами, скамьями...

Въ гостиной вспыхнулъ огонь, охватилъ скатерть стола, за которымъ только что сидѣлъ лейтенантъ, побѣждалъ вверхъ по оконнымъ гардинамъ. Трещало разгоравшееся дерево.

Въ столовой, уже наполненной дымомъ, все еще пѣли побѣдную пѣсню.

* * *

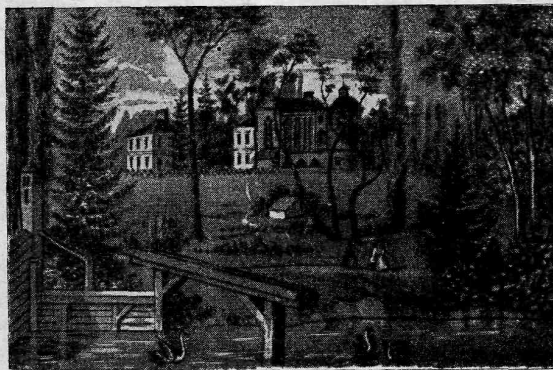
«Веселая нѣмка» вышла въ садъ и направилась къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ ея Стасика.

Опустилась на траву, положила къ себѣ на колѣна его окровавленную голову; частыя крупныя слезы закапали на мертвое, покрытое грязью и кровью, лицо убитаго мальчика...

— «Я—маленькій почтальонъ...»—вдругъ, точно помѣшанная, тихо запѣла она, убаюкивая мертваго на своихъ колѣнахъ. Въ первый разъ запѣла надъ Стасикомъ.

Теперь у нея былъ только одинъ сынъ, мертвый—но только одинъ.

Э. Шипулинскій.

Польское имѣніе «Рудники» (съ литогр. 30-хъ годовъ).

Н. КОРОБКА.

„УКРАИНСКІЙ НАРОДЪ ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ“*).

Въ переживаемые нами дни, когда національные вопросы и въ частности украинскій становятся очередными, нельзя не признать въ высокой степени своевременнымъ появленіе большого коллективнаго труда объ украинскомъ народѣ. Пока вышелъ только первый томъ, заключающій въ себѣ обзоръ развитія украиновѣдѣнія и очеркъ исторіи украинскаго народа. Написанъ этотъ томъ проф. М. С. Грушевскимъ. Въ дальнѣйшихъ томахъ обѣщаны обзоры литературы, искусства, языка и хозяйства украинскаго народа. Въ цѣломъ это изданіе должно дать такимъ образомъ настоящую энциклопедію украиновѣдѣнія, а имена сотрудниковъ: М. С. Грушевскаго, акад. Шахматова и Корша, М. М. Ковалевскаго, М. И. Туганъ-Барановскаго и др., гарантируютъ наукою выполненія этого широкаго замысла.

Историческій очеркъ М. С. Грушевскаго не заключаетъ въ себѣ ничего существенно новаго сравнительно съ его большой „Исторіей Украины-Руси“, но русскіе читатели, въ подавляющемъ большинствѣ незнакомые съ этимъ капитальнымъ трудомъ на украинскомъ языкѣ, найдутъ въ немъ много матерьяла для того, чтобы познакомиться какъ съ прошлымъ украинскаго народа, такъ и съ точками зрѣнія современной украинской интеллигенціи, однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей которой является М. С. Грушевскій.

Проф. Грушевскій начинаетъ свой очеркъ съ момента появленія на историческомъ горизонтѣ тѣхъ этническихъ группъ, которыя въ историческомъ процессѣ сплелись въ украинскую народность; онъ говоритъ даже объ „украинскихъ племенахъ“, расселяющихся на своей территоріи съ конца IV вѣка. Эта точка зрѣнія можетъ вызвать удивленіе въ части русскихъ читателей, привыкшихъ относить образованіе украинской (малорусской) народности къ гораздо болѣе позднему времени. Она не лишена однако основаній. Акад. Шахматовъ въ своей талантливой работѣ „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“ устанавливаетъ, что уже на самой зарѣ русской исторіи приходится различать три группы русскихъ племенъ: сѣверную, среднюю и южную, причемъ изъ нихъ только одна — южная — всецѣло совпадаетъ съ позднѣйшей малорусской народностью, западная часть средней группы образовала бѣлорусскую народность, а восточная часть средней вмѣстѣ съ сѣверной — великорусскую. Такимъ образомъ авторитетъ этого лучшаго знатока вопроса и безусловно объективнаго ученаго позволяетъ намъ принять точку зрѣнія проф. Грушевскаго объ „исконномъ“, такъ сказать, существованіи среди восточно-славянскихъ племенъ особой группы, давшей основаніе украинской народности.

Спорнымъ является только отнесеніе къ этимъ „украинскимъ“ племенамъ сѣверянъ. Проф. Грушевскій проходитъ мимо весьма весьма убѣдительныхъ построеній акад. Шахматова, относящаго сѣверянъ къ средне-русской группѣ и считающаго, что они вошли въ составъ позднѣйшаго великорусскаго племени. Вопросъ этотъ приобретаетъ важное значеніе

при опѣнкѣ взгляда проф. Грушевскаго на кievское государство и созданную имъ культуру, какъ украинское государство и украинскую культуру. Но даже если стать въ вопросѣ сѣверянъ на точку зрѣнія М. С. Грушевскаго, то все-таки нельзя не видѣть, что въ созданіи кievской государственности и культуры наряду съ украинскими племенами принимали участіе средне- и сѣверно-русскія, и съ другой стороны, нѣкоторыя изъ южныхъ племенъ, сыгравшихъ впоследствии видную роль въ созданіи украинской народности (тиверцы, улучи), почти совершенно остались въ сторонѣ отъ главнаго кievскаго русла древне-русской жизни.

Это заставляетъ насъ видѣть въ обычномъ среди галицкихъ ученыхъ взглядѣ на кievскую Русь, какъ на продуктъ дѣятельности исключительно украинскихъ племенъ, проявленіе боязни признать фактъ существованія общерусской культуры. Боязнь эта психологически вполне объяснима нежелаемыми явленіями практической политики, но тѣмъ не менѣе нерѣдко она затемняетъ фактическое положеніе вещей, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

Врядъ ли возможно говорить объ „украинской“ или „украинско-византійской“ культурѣ кievской Руси, да и самъ М. С. Грушевскій сбивается съ этой терминологіи и иногда говоритъ о культурѣ „русско-византійской“. Эта культура, какъ и кievская государственность, является несомнѣнно общерусской, хотя и съ преобладаніемъ въ ней южной (украинской) стихіи. Только политическое расчлененіе старой кievской Руси нарушаетъ единство этой старой общерусской культуры, и новая русская культура несомнѣнно возникаетъ на великорусской основѣ (сложнаго вопроса о томъ, насколько ее можно считать „общерусской“, мы здѣсь не можемъ касаться).

Распаденіе кievскаго государства и образованіе трехъ центровъ: сѣверо-восточнаго, бѣлорусско-литовскаго и галицкаго (потомъ кievскаго) ведетъ къ образованію трехъ русскихъ народностей и къ расхожденію путей ихъ культурнаго и государственнаго развитія. Это различіе культурныхъ, политическихъ и социальныхъ условій усиливаетъ то племенное различіе, которое существовало раньше, и въ итогѣ получаютъ народности несомнѣнно родственныя, но весьма различныя по своимъ традиціямъ и психологическому укладу. Въ книгѣ пр. Грушевскаго русскій читатель найдетъ картину судьбы украинскаго народа, столь непохожихъ на судьбы Великороссіи.

Въ первые вѣка послѣ расхожденія украинская народность является гораздо болѣе вѣрной хранительницей культурныхъ и бытовыхъ традицій, чѣмъ народность великорусская, слагающаяся въ значительной мѣрѣ на новыхъ, колонизованныхъ земляхъ. Но уже въ галицкомъ княжествѣ начинаютъ сказываться сильныя западно-европейскія вліянія, съ которыми борются византійскія вліянія, здѣсь болѣе крѣпкія и живыя, чѣмъ на далекомъ сѣверо-востоку. Присоединеніе сначала Галиціи, а потомъ и другихъ украинскихъ земель къ Польшѣ ставитъ украинскую народность, чья культура въ положеніе рѣзко отличное отъ положенія москов-

*) Т. I. СПб. 1914. Изд. М. А. Славинскаго.

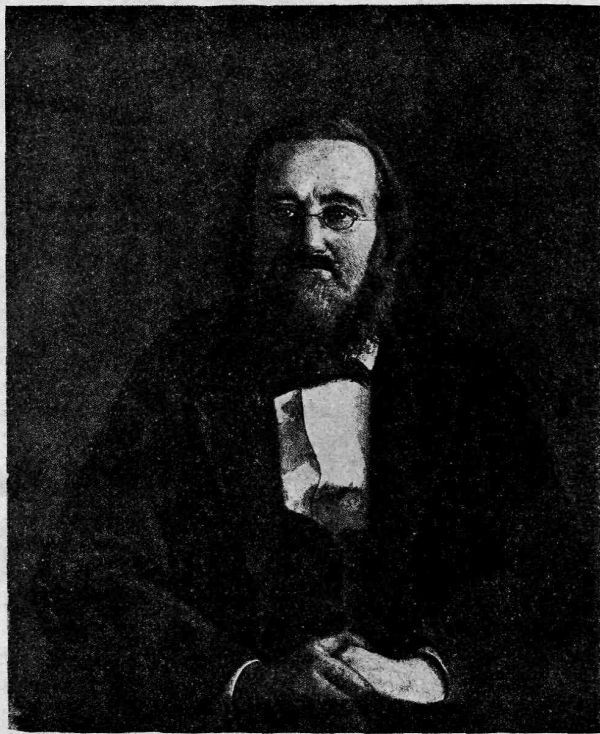
ской Руси. Культура украинская въ это время несомнѣнно богаче московской: здѣсь больше школъ, больше книжныхъ людей, больше связи съ Византіей, больше общественной самодѣятельности, но, въ то время какъ Москва развивается въ самоувѣренное деспотическое государство, когда въ ней создается теорія третьяго Рима, Украинѣ приходится напрягать героическія усилія, чтобы отстоять свою гонимую, униженную народность, Украина теряетъ свои высшіе слои, послѣднюю тѣнь своей политической самостоятельности и мощнымъ народнымъ движеніемъ возрождается въ формахъ, нѣсколько напоминающихъ старинныя вѣчевыя общины. Трудно представить себѣ болѣе различные пути историческаго развитія, и конечно они должны были создать совершенно различные культурно-историческіе типы. Стоитъ сравнить московскаго боярина времянь Алексѣя Михайловича и запорожскаго атамана, протопопа Аввакума и схоластически образованнаго Мелетія Смотрицкаго, чтобы видѣть, какъ далеко разошлись въ своемъ культурномъ развитіи двѣ родственныя народности къ тому времени, когда имъ пришлось вачать свое воссоединеніе.

Но историческіе пути ихъ должны были снова сойтись. Освобождавшаяся отъ польскаго владычества Украина была слишкомъ слаба для самостоятельнаго существованія между сильными сосѣдями и должна была искать союзниковъ. Послѣ колебанія между Швеціей, Молдавией, Крымомъ и Москвой выборъ склонился въ пользу послѣдней.

Если казацкая старшина не особенно охотно шла на ссединеніе съ Москвой, то московское правительство отнеслось къ дѣлу съ узко-московской точки зрѣнія и сдѣлало все, чтобы помѣшати тому объединенію всего русскаго народа, которое рисовалось украинскимъ политикамъ ввидѣ московско-украинской федераціи. Интересы единства русскаго народа были принесены въ жертву династическимъ стремленіямъ въ польской коронѣ, и по договору 1667-го года московскіе политики согласились на расчлененіе живого тѣла украинской народности. Этого договора украинскіе патриоты не могутъ простить Москвѣ до сихъ поръ. Въ результатѣ скоро на Украинѣ возникли теченія въ пользу возврата подъ власть Польши, и послѣ продолжительныхъ опустошительныхъ войнъ дѣло кончилось тѣмъ, что къ Россіи присоединилась лишь лѣвобережная Украина и Кіевъ, а правобережная осталась за Польшей.

Въ теченіе 18-го вѣка всѣ признаки автономности лѣвобережной Украины исчезли. Такова же была политика Москвы и въ церковныхъ вопросахъ. Къ концу 17-го вѣка религиозныя традиціи Москвы и Украины были настолько различны, что сами московскіе люди возбуждали вопросъ, не нужно ли „черкасовъ“ перекрещивать. Тѣмъ не менѣе Москва стремилась подчинить себѣ украинскую іерархію, находившуюся подъ властью константинопольскаго патріарха. При помощи давленія на патріарха этого удалось достигнуть. Въ итогѣ созданъ разрывъ между церковной жизнью обѣихъ половинъ Украины, что способствовало торжеству уни въ правобережной Украинѣ. Такъ, подавляя національную и церковную самостоятельность одной части Украины, Москва сама все больше и больше отбрасывала другую въ объятія Польши и католичества.

Несмотря на энергичную ассимиляторскую политику, національное самосознаніе не замирало окончательно въ лѣвобережной Украинѣ никогда. Въ 18-мъ вѣкѣ украинская интеллигенція продолжала хранить интересъ къ произведеніямъ родной литературы, а на порогѣ 18-го и 19-го вѣка возникаетъ въ лицѣ Котляревскаго, Гоголя-отца и другихъ

Н. П. Костомаровъ (1817—1885), съ портр. Н. Н. Ге.

новая украинская литература. Съ 20-хъ годовъ въ Харьковѣ создается украинскій кружокъ, среди котораго мы видимъ талантливаго Квитку. Наконецъ въ 40-хъ годахъ параллельно съ московскимъ славянофильскимъ панславизмомъ развивается панславизмъ Кирилло-меоодіевскаго общества съ его идеаломъ всеславянской федеративной республики. Сопоставленіе этихъ двухъ теченій прекрасно характеризуетъ разницу національныхъ традицій двухъ русскихъ народностей. Въ рядахъ Кирилло-меоодіевскаго общества былъ и Шевченко. Печальная судьба его и Кирилло-меоодіевскаго общества извѣстна.

Послѣ разгрома Кирилло-меоодіевскаго общества культурное украинское движеніе въ Россіи надолго замерло. Оно возродилось въ эпоху шестидесятихъ годовъ, но въ слѣдующее десятилѣтіе подверглось новому разгрому и перебросилось въ Галицію, гдѣ подъ защитой австрійской конституціи быстро развилося, создавъ своеобразную художественную литературу, научныя учрежденія, выдвинувшія рядъ серьезныхъ ученыхъ силъ, и пѣлюю сътъ учрежденій просвѣтительныхъ. Судьбы украинства въ Россіи и особенности условий австрійскихъ земель, которая трудно очертивъ въ рамкахъ этой статьи, наложили на украинское движеніе отпечатокъ, сильно отдаляющій его отъ русскаго культуры. Этотъ отпечатокъ, можетъ быть, сказывается нѣсколько и въ трудѣ проф. Грушевскаго. Можетъ быть, „стремленіе отмежеваться отъ всего, что стремилось задержать украинство“, проводится слишкомъ рѣзко. Но книга проф. Грушевскаго дастъ матерьялъ и для того, чтобы понять, какъ создалась такая обостренность.

Н. Коробка.

Ю. СЛОНИМСКАЯ. ВЪ ЗАЩИТУ ПУБЛИКИ,

Извѣстно, все дурное въ театрѣ создано публикою. Безкорыстные антрепренеры и самоотверженные режиссеры давно собираются возвести театръ на небывалую художественную высоту, но имъ упорно мѣшаютъ «вкусы публики». Публика либо «не понимаетъ»,—это когда режиссеръ проваливаетъ хорошую пьесу, либо «желаетъ»,—это когда антрепренеръ ставитъ скверную пьесу. Иногда публика даже «требуетъ»,—это въ тѣхъ случаяхъ, когда антрепренеръ выбираетъ такую пьесу, за которую ему самому становится совѣстно. Всему виною только публика. Публика превратила большинство театровъ въ потребительскія лавочки для низшихъ слоевъ населенія. Публика создала уличныя ларьки «миниатюръ», пускающіе по Невскому желтыхъ меланхоликовъ съ унылыми плакатами о послѣдней «художественной» постановкѣ. Если спросить любого режиссера или антрепренера, кто породилъ «Ревность» и «Театръ купца Епишкина», отвѣтъ будетъ единый—публика.

Оправдаться публика не можетъ. Если отдѣльный зритель или даже цѣлая группа заявляетъ о своихъ художественныхъ требованіяхъ, они оказываются исключеніемъ, а вкусы публики остаются для антрепренеровъ неизмѣнными. Процвѣтаніе Московскаго художественнаго театра, удачный опытъ перваго театра Комиссаржевской въ Пассаждѣ, неожиданный успѣхъ пьесъ, заранѣе обреченныхъ на «непониманіе»—все это не разубѣждаетъ антрепренеровъ, и они продолжаютъ искренне вѣрить, что та толпа, которую они заманиваютъ съ улицъ своимъ «художествомъ», и есть единственно возможная театральная публика. Такъ создалась въ театральномъ міеологіи мнѣніе о публикѣ,—«чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяѣ».

Какъ только была объявлена война, антрепренеры сразу поняли, въ чемъ дѣло. Публика «не понимаетъ» художественныхъ пьесъ и «требуетъ» пьесъ, скоро сколоченныхъ въ бюро газетныхъ вырѣзокъ. Драматурги, прежде не умѣвшие водить перомъ по бумагѣ, сразу ощутили вдохновеніе. Многие въ нетерпѣніи стали раздирать на драматическіе клочки рассказы Мопассана изъ франко-прусской войны, подправляя ихъ тевтонскими звѣрствами, другіе спѣшно заготовляли «синтезы» еще не завершенныхъ событий. Даже кинематографы не могли унять за скоростью новой драматической промышленности. На одно кинематографическое «Въ рукахъ озвѣрѣвшихъ тевтоновъ» пришлось болѣе сотни «Позоровъ Германіи». Театръ былъ спѣшно мобилизованъ и сразу перешелъ на военное положеніе. Общимъ художественнымъ дивизомъ стали бить для усовъ. Суворинскій театръ заготовилъ «Позоръ Германіи» Дальскаго, «Литейный» сфабриковалъ солдатскій лубокъ съ добрыми ребятами, кото-

рые пляшутъ вприсядку у «боевого» костра. «Луна-Паркъ» изобразилъ борьбу славянства съ его исконнымъ врагомъ, инсценировавъ пляску апашей. Во всѣхъ театрахъ спѣшно, почти безъ репетицій, ставили мопассановскую «Фифи», считая, что успѣхъ все равно обязательенъ. Артистъ Г. Г. Ге сфабриковалъ «Реймскій соборъ», предавъ художественную святыню на вторичное поруганіе. Александринскій театръ выбралъ старую пьесу Писемскаго: «Ветеранъ и новобранецъ».

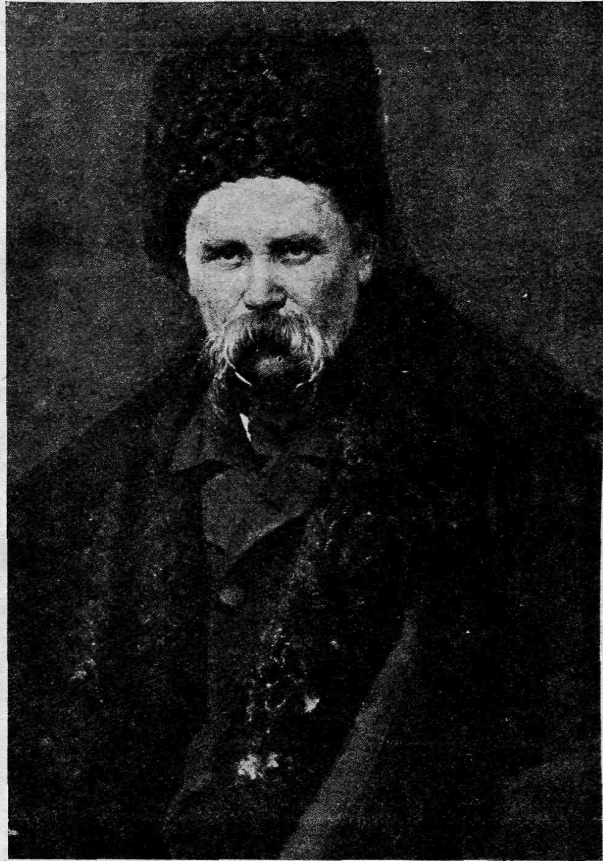
Для Москвы были изготовлены Арцыбашевымъ «Война» и Л. Андреевымъ «Король, законъ и свобода». Арцыбашевъ, всегда озабоченный вопросомъ о женской испорченности и мужскомъ благородствѣ, сразу ощутилъ, въ чемъ основная «проблема» войны. Если къ молодой женщинѣ возвращается безногий герой, то какъ ей быть съ ухаживающимъ за нею княземъ? Андреевъ, занятый вопросомъ о могуществѣ и славѣ писателей, рѣшилъ, что королю слѣдовало бы держать военный совѣтъ съ лучшимъ драматургомъ, и направилъ короля къ Метерлинку. Эпопея Бельгии превратилась въ моторную драму, въ которой основнымъ драматическимъ моментомъ оказывается порча автомобиля. Поэтъ, давшій разрѣшеніе потопить страну, чуть не погибаетъ изъ-за сквернаго шоффера. Но, къ общему успокоенію, шофферъ успѣваетъ на глазахъ у зрителей починить автомобиль, и поэтъ уѣзжаетъ. Таковъ созданный почтеннымъ писателемъ «синтезъ» мировыхъ событий.

Театральные дѣятели сдали безъ боя позиціи искусства. Миссія художниковъ охранять духовную культуру страны въ то время, какъ во имя ея идетъ активная борьба, была признана неумѣстной, ненужной и самое упоминаніе о ней считалось почти неприличнымъ. Въ частномъ драматическомъ кружкѣ режиссеръ Н. А. Поповъ, начинавшій свою карьеру у Комиссаржевской, а нынѣ служащій у Суворина, открыто заявлялъ, что во имя момента онъ рѣшилъ ставить «Позоръ Германіи»—лучшее изъ всей «макулатуры», которая пудами доставлялась въ театръ. Идея его доклада «Война и театръ» сводилась все къ тѣмъ же магическимъ словамъ—«вкусы публики». Нельзя играть Шекспира въ то время, какъ тысячами гибнутъ люди,—въ такіе великіе дни можно играть только Дальскаго; нельзя говорить со сцены о красотѣ, героизмѣ, любви,—въ такіе священные дни можно только приплясывая пѣть куплеты объ усахъ или кроить по газетамъ драматическіе эффекты. Публика «требовала», а вдохновенные режиссеры, какъ всегда, «угалывали».

Но случилось нѣчто непосижимое. Ни одна изъ пьесъ, заготовленныхъ на потребу, не имѣла успѣха. «Король, законъ и свобода» не привлекла публики ни въ Москвѣ, ни въ Петроградѣ. Арцыбашевская

Г. Ф. Квитка (1778—1843), съ портр. Мартынова.

Т. Г. Шевченко (1814—1861), съ портр. И. Н. Крамского.

«Война» вызвала единодушный протестъ и была снята послѣ пераго представленія. «Позоръ Германіи» не собиралъ публики. Солдатскіе лубки, молассановскія передѣлки и домотканныя творенія мелкихъ театровъ смотрѣлись съ нескрываемымъ отвращеніемъ. Публика посѣщала «Музыкальную Драму», переполняла Александринскій театръ въ дни представленія старыхъ пьесъ и упорно отказывалась отъ наспѣхъ сфабрикованныхъ «отраженій». Ея моральное чувство, слишкомъ сильно затронутое событіями, оскорбляла оптовая заготовка драматурговъ. На этотъ разъ голоса публики прозвучалъ рѣзко и опредѣленно. Въ тяжелые для народа дни можно, если къ этому вынуждаетъ необходимость, закрыть театръ. Но, пока театръ существуетъ, онъ долженъ быть искусствомъ.

«Бичъ истиннаго искусства» — касса — неожиданно явилась источникомъ возвышенныхъ идей о театрѣ, и антрепренерамъ поневолѣ пришлось вернуться на брошенныя позиціи искусства. Характеръ репертуара рѣзко измѣнился. Усы и тевтоны безслѣдно исчезли. Даже «миниатюрные» ларьки, рассчитанные на худшіе элементы публики, вынуждены были отказаться отъ торговли патріотизмомъ. Суворинскій театръ, перемѣнивъ режиссера, вспомнилъ объ Островскомъ, о Пинеро и прежнемъ репертуарѣ. Настоящіе театры обратились къ искусству, никогда не теряющему своего значенія. Въ Московскомъ художественномъ

театрѣ Метерлинкъ, Грибоѣдовъ, Гольдони, Чеховъ и Тургеневъ попрежнему собираютъ полный залъ; въ Маломъ попрежнему царитъ Островскій; новый Камерный театръ далъ рядъ интересныхъ постановокъ, воскресивъ драму индійскаго поэта, «Сагунталу», и «Жизнь есть сонъ», Кальдерона. Театры зажили художественной жизнью.

Публика, грубая, пошлая публика, которую давно устали бранить, оказалась болѣе высокаго мнѣнія о задачахъ искусства, чѣмъ многіе его просвѣщенные дѣятели. И невольно вспомнилось, что, когда «благородные» служители искусства изгоняли изъ казеннаго театра Коммисаржевскую, публика поддержала ее своей любовью. Вспомнилось, что, когда «цѣнители» возмущались пьесами Чехова и называли Станиславскаго отцомъ всѣхъ сверчковъ, публика своимъ поклоненіемъ создала могущество Художественнаго театра. Всѣхъ великихъ актеровъ, всѣхъ лучшихъ художниковъ театра вѣнчала на царство все та же публика, вкусы которой будто бы доподлинно извѣстны ретивымъ творцамъ «Ревностей» и ихъ блестящимъ антрепренерамъ. Быть можетъ, опытъ этого сезона излечитъ руководителей театра отъ вѣры въ свою проникаемость, и бездарность ихъ, къ несчастію влияющая на судьбы театра, не будетъ находить постоянное оправданіе во вкусахъ и требованіяхъ публики.

Ю. Слонимская.

Г. С. Сковорода (1722—1794 г.)

Объ искусствахъ и литературѣ.

Вѣсти и мнѣнія.

ВЕСЕННЕЕ ПОРОШЬЕ *).

Что такое „порошье“? Въ словарѣ Даля и даже въ словарѣ Срезневскаго вы этого слова не найдете.

Влюбленный въ русскій языкъ Ремизовъ, изучающій его не только по современнымъ народнымъ говорамъ, памятникамъ народнаго творчества, но и по старинной книжной литературѣ,—великій мастеръ оживлять какъ будто давно умершія слова.

„Порошье“ онъ нашель въ житіи инока Епифанія. Инокъ жалуется на муравьевъ, что они ему въ горницу всякаго порошья нанесли. И Ремизовъ объясняетъ: слово „порошье“ означаетъ мелочь и прахъ. „Весеннемъ же порошьемъ будетъ прахъ весенній: и лепестки тутъ цвѣтовъ опахшихъ, и листочки всякіе, и сережки березовыя, и отъ дубу цвѣтъ, и прутки, и усики травокъ“.

Не знаю, войдетъ ли это слово въ обиходъ. Но ясно,

*) Алексѣй Ремизовъ. «Весеннее порошье». Изд. «Сиринъ», 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

почему свою новую книгу авторъ назвалъ „Весеннимъ порошьемъ“. Она вся составлена изъ милыхъ книжныхъ мелочей. Тутъ и „сережки березовыя“, и „прутки, и усики травокъ“. Книга въ триста страницъ содержитъ около пятидесяти вещей. Дѣйствительно мелочи, „порошье“, но именно порошье весеннее. Потому что всѣ эти мелочи обвиты нѣжнымъ весеннимъ духомъ. Въ то время какъ раннія произведенія Ремизова, напр. тягостный и тяжелый „Прудъ“, или изъ болѣе позднихъ его вещей, „Крестовыя сестры“, пронизаны какой-то жестокой безвыходностью, „Весеннее порошье“—все свѣтлое, даже печаль тамъ свѣтлая, умиленная. Особенно, когда авторъ говоритъ о дѣтяхъ. Можетъ быть, только Достоевскій и отчасти Диккенсъ умѣли такъ бережно подходить къ дѣтской душѣ и къ ея страданіямъ.

Написана книга совсѣмъ особеннымъ, ремизовскимъ языкомъ. Ремизовъ можетъ не подписывать своихъ вещей. Всякій, мало-мальски причастный къ литературѣ, по десяти строкамъ узнаетъ, кто ихъ писалъ. Многимъ Ремизовъ кажется слишкомъ изысканнымъ, субъективнымъ. Иногда дѣйствительно тяжело слѣдить за причудами его психологій, его стили. Напр. его пресловутые „Сны“. Надо очень любить автора, вѣрить ему, чтобы внимательно прочесть эти странные, почти протокольные отчеты о настоящихъ, будничныхъ „Снахъ“. Никакой „сонникъ“ не объяснитъ ихъ тайнаго смысла. Только писатель, не заботящійся о „популярности“, о широкомъ кругѣ читателей, можетъ выносить на судъ публики такія вещи. Можетъ быть, недостаточная популярность Ремизова этимъ и объясняется. Читатель любитъ, чтобы за нимъ ухаживали, ему „потрафляли“. Ремизовъ же никогда не пойдетъ на сдѣлку со своей художественной совѣстью.

Но если публика все еще не цѣнитъ по-настоящему этого замѣчательнаго писателя, то братья-писатели давно оцѣнили его по достоинству. Многіе изъ нихъ поспѣшили размѣнять старинные, полновѣсные червонцы ремизовскаго стили на мелкую, ходкую монету и „безъ указанія источника“ обильно черпаютъ своимъ ковшомъ живую воду Ремизова. Не буду называть именъ. Зачѣмъ обижать? И потомъ—что тутъ худого? Ремизовъ долженъ только радоваться, что онъ сослужилъ свою службу русскому языку и помогъ нѣкоторымъ изъ своихъ собратьевъ отдѣлаться отъ стертаго, безличнаго, газетнаго языка.

Современемъ оцѣнить Ремизова и широкій читатель.

Д. Ф.

ХРОНИКА.

■ Книгоиздательство І. А. Маевского (Москва), выпустившее интересную и недурно иллюстрированную книгу о Леонардо да Винчи (Флорентійскія чтенія.—Цикль лекцій), приспугаетъ къ изданію сборниковъ, посвященныхъ исторіи италянскій культуры, начиная отъ эпохи, предшествовавшей треченто, и кончая XIX столѣтіемъ. Всего предполагается выпустить семь томовъ.

■ Балерина Т. Карсавина въ сотрудничествѣ съ П. Петемкинымъ сочинила балетъ изъ эпохи XVIII вѣка. Танцы сопровождаются музыкой старыхъ французскихъ композиторовъ.

■ На открывшейся въ Москвѣ скульптурной выставкѣ А. С. Голубкиной совѣтъ Третьяковской галереи приобрѣлъ четыре произведенія, въ томъ числѣ бюсты писателей—гр. А. Н. Толстого и А. М. Ремизова.

ЖУРНАЛЪ НАЧИНАЮЩИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ „НА БЕРЕГАХЪ НЕВЫ“.

(Годъ изданія шестой.)

Журналъ предоставляет возможность начинающимъ писателямъ печатать свои произведения.

Отдѣлы по вопросамъ литературы, театра и искусства. Хроника литературныхъ, театральныхъ и общественныхъ начинаний.

Открыта подписка на 1915 годъ.

№№ журналовъ въ годъ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за 1 г.—2 р., за полгода—1 р. 25 к., отд. № 10 к.

РЕДАКЦІЯ: Петроградъ, Лиговская ул., д. № 44, кв. 123, издатель Литературное Общество „Агс“. Редакторъ М. Н. Свряковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 Г. (5-й г. изд.)

на двухнедельный библиографический журналъ

„ИЗВѢСТІА“

Юридическаго книжнаго склада „ПРАВО“.

Программа „Извѣстій“: списки нов. изданій книжн. склада „Право“. Систематическій указатель нов. книгъ по вопросамъ правовѣдѣнія и общественнаго права. Библиографія. Новости юридическаго книжнаго рынка. Перечень журналовъ, статей по юридическимъ вопросамъ. Отзывы печати о юридическомъ трудѣ. Перечень книгъ, поступившихъ въ редакцію. Объявленія.

Подписная цѣна: 1 годъ—1 руб., ½ года—50 коп., съ доставкой и пересылкой. Адресъ главной конторы „ИЗВѢСТІА“—Юридич. книжный складъ „Право“, Петроградъ, Литейный просп., 28.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ (6-й г. изд.)

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

24 № журнала съ мас- сой рисун., чертежей и литерат. приложений. **СТОЛЯРЬ** 24 № иллюстр. прилож. на отд. лист. съ рис., черт. и композиц. мебели и строительно-столярныхъ работъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на 1 годъ—5 руб., на полгода—2 руб. 60 коп., на три мѣсяца—1 руб. 40 коп. Допускается расценка (для годовыхъ подписчиковъ) при подпискѣ 2 рубля и черезъ каждые два мѣсяца по 1 руб. Пробный номеръ высылается немедленно за 4 семикоп. марки.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Корпусная, 28-б. Редакторъ-издатель К. К. Мауринъ-Стизбе.

Открыта подписка на 1915 г.

на торгово-промышленную, общественную и литературн. газету

„ВѢСТНИКЪ РЫБИНСКОЙ БИРЖИ“

(Изданіе Рыбинскаго Биржеваго Комитета.) (Годъ четырнадцатый.)

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣдпраздничныхъ.

Подписная цѣна безъ доставки 6 руб. въ годъ.

Съ доставкой въ Рыбинскъ: на годъ—7 р., на 6 мѣс.—3 р. 75 к., на 3 мѣс.—1 р. 90 к., на 1 мѣс.—65 к.

Съ пересылкой иногороднимъ: на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р. 30 к., на 1 мѣс.—85 к.

Иногородніе члены Рыбинскаго Биржеваго Общества, подписавшіеся на газету „Вѣстникъ Рыбинской Биржи“ срокомъ на годъ, платятъ только 6 руб. съ доставкой и пересылкой, а проживающіе въ г. Рыбинскѣ—5 рублей. Редакторъ И. П. Виноградовъ.

ГИБЕЛЬ МИРА

Историч. романъ М. Дункеля. Изъ эпохи великой французской революціи.

(Стр. 224.)

Цѣна 25 коп. съ пересылкой.

Требованія адресов.: Акціон. Общ. Издат. А. А. КАСПАРІ, ПТГ., Лиговская ул., д. № 44, и Садовая, д. 20.

УГРИ,

рыщи, жиров. выдѣл. и желт. пятна ничтож. безслѣдно въ 1—2 недѣли имѣемъ безвредн. домашнимъ средствомъ. Флаконъ, съ наставл., хватающ. во все время, высылаю немедл. наложн. плат. за 1 р. 75 к. съ перес. и упаков. получила массу благодар. со всѣхъ концовъ Россіи. Предл. моему прошенію вѣрно, оно ИСКРЕННО и ЧЕСТНО. Адресъ: г. Рига, Долгоруковская улица, № 11, кв. 87. Марія Егоровна Чурбанова.

КАРТИНЫ - ОЛЕОГРАФИИ

по оригиналамъ известнѣхъ художниковъ. Каталогъ безплатно высылаемъ Акціонерн. Общ. Издательства А. А. КАСПАРІ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская ул., д. 114.

ХОЗЯЙКИ!!!

Сколько денегъ, напраснаго труда и времени отнимаетъ у васъ каждая стирка бѣлья.—Стирайте только новѣйшимъ американскимъ способомъ, который сохраняетъ бѣлье, время и деньги. Требуется проспекты безплатно. Назатинъ, Киевск. губ., почт. бил. № 27.

ПОРТНЫМЪ

высыл. безплатно ОБРАЗОВАНИЕ какъ улучшить свое положеніе. Укажите Вашъ адресъ и адреса своихъ знакомыхъ. Адресъ: „ПОСРЕДНИКЪ“ ДЛЯ ПОРТНЫХЪ, гор. Рига, 752.

Открыта подписка на 1915 годъ (15-й г. изд.) на

„ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“

еженедѣльный, иллюстр. старѣйшій въ Россіи журналъ, посвященн. всѣмъ видамъ охоты и путешествіямъ.

Въ 1915 г. „ОХОТНИЧІЙ ВѢСТНИКЪ“ ДАЕТЪ:

48 номеровъ художеств.-иллюстр. журнала и слѣдующія приложенія: 1 настольную книгу, необходим. всѣмъ ружейнымъ охотникамъ: Практическое руководство для ружейныхъ охотниковъ. Охотничье дробовое и пульно-дробовое оружіе, простое и магазинное, одно- и двухствольное, трехствольное, четырехствольное. Бой и служба ружья. Соет. Гражданскій Инженеръ. 320 страницъ больш. формата, съ массою рисунковъ и таблицъ.

1 книгу 240 стр. больш. формата: „ОХОТНИЧІЙ РАЗСКАЗЫ и СТИХОТВОРЕНІЯ“, избранн. произвед. сотрудн. журнала.

12 худож. открытыхъ писемъ съ рисунками въ краскахъ на охотничьи сюжеты. Цѣна со всѣми приложеніями 6 руб. въ годъ съ пересылкой. Уплачивающіе сразу 6 руб. получаютъ всѣ приложенія немедленно, съ 1-мъ номеромъ журнала. Цѣна журнала безъ приложеній 4 р. 50 к. въ годъ съ пересылкой.

Допускается расценка: съ приложеніями—при подпискѣ 4 руб., остальные къ 1-му мая; безъ прилож.—при подпискѣ 2 р. 50 к., остальные къ 1-му мая. Адресъ редакціи и склада: Москва, Б. Кисельный, 11. Ред. С. Алексѣевъ.

Открыта подписка на 1915 годъ

(VIII-й годъ изданія)

„ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Журналъ, посвященный всѣмъ отраслямъ терапіи

подъ редакціей:

Д-ровъ мед.: А. И. ГРИНФЕЛЬДА, К. Н. ПУРИЦА и И. Ф. САБАНЬЕВА.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ размѣрѣ 3—4-хъ печатныхъ листовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Оригинальныя статьи.—Критическіе обзоры.—Новости терапіи и терапевтическія замѣтки.—Изъ практики.—Бальнеологическій отдѣлъ подъ редакціей д-ра Е. М. Брусилоскаго.—Отдѣлъ рефератовъ подъ редакціей д-ра Е. М. Бихмана.—Корреспонденціи изъ русскихъ и иностранныхъ медицинскихъ обществъ и съѣздовъ.—Новости медицинск. техники.—Библиографія.—Письма въ редакцію.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ—4 р., на ½ г.—2 р., на ¼ г.—1 р.

Подписчики 1914 г., уплатившіе сполна годовую плату и возобновившіе подписку на 1915 годъ, уплачиваютъ лишь 2 р. 25 к. за весь годъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Одессѣ—въ конторѣ журнала: Екатерининская ул., № 2, въ Моонѣ—въ отдѣленіи конторы журнала „Терапевтическое Обозрѣніе“: Б.-Полянка, № 55, и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и нижнихъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Подробные проспекты о подпискѣ на журналъ и перечень изданій высылаются по требованію безплатно.

ОТКРЫТА НА 1915 ГОДЪ (3-й г. изд.) ПОДПИСКА

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КООПЕРАТИВНАЯ ЖИЗНЬ“.

Подписная цѣна на годъ—пять рублей, на ½ года—три рубля.

Адресъ редакціи и конторы: МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

Журналъ „Кооперативная Жизнь“ выходитъ 2 раза въ мѣс., нижними, въ 64—80 стр.

Въ журналѣ „Кооперативная Жизнь“ ведутся слѣдующіе постоянные отдѣлы:

1. Передовыя статьи, имѣющія своей задачей отвѣчать на злободневные вопросы кооперативной жизни. 2. Жизнь кооперативовъ на мѣстахъ. 3. Кооперативные центры. 4. Взаимоотношенія земства и кооперативовъ. 5. Кооперативная жизнь за границей. 6. Инструкторскій отдѣлъ. 7. Дѣятельность московскаго народнаго банка. 8. Консультативный отдѣлъ (отвѣты на юридическіе вопросы и запросы практическаго характера). 9. О новыхъ книгахъ. 10. Изъ практики для практики. 11. Хроника комитета о сельскихъ ссудо-сберег. и пром. т-вахъ. Большое мѣсто удѣляется корреспонденціямъ. РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТЪ: М. П. Авсарисовъ, В. И. Анисимовъ, А. А. Евдокимовъ, В. А. Кильчевскій, А. Е. Кульничій, Г. А. Мартышинъ, Н. П. Огановскій, А. В. Чапновъ и ин. Д. И. Шаховской.

Пропеять объ изд. „Кооперативной Жизни“ высылаются по требованію безплатно.

Пробный номеръ высылается за 2 десятикопеечныя марки.

Съ требованіями обращаться по адресу конторы журнала „Кооперативная Жизнь“. Издатель: Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.

МОСКВА, Моховая, 14, кв. 2.

ПРИ ГОНОРРЕѢ,

ПЕРЕЛОБЪ, въ острой и хронической формѣ примѣняется средство (для внутренн. употребл.)

„ТІЭЛЕРИНЪ“

доктора медицины **ЖЕНЕВСКАГО ГОРОХОВСКОЙ.**

Цѣна ординарн. флакона (на 10 дней) 1 р. 75 к.; двойного 3 р. безъ пересылки. Для желающихъ обращаться лично—пріемъ отъ 3 до 6 час. вѣч. Подробное наставленіе при флаконѣ. Отпускается также изъ аптекъ по рецептамъ врачей. Адресъ: Д-ру медицинѣ женеваго университета Э. М. Гороховской, Москва, Срѣтенка, Давы пер., д. № 12/3, кв. № 25.

Только ФРАНЦУЗСКІЕ и АНГЛІЙСКІЕ

ПРЕДОХРАНИТЕЛИ

МУЖСКІЕ: отъ 1 руб. до 6 руб. луж.
ЖЕНСКІЕ: золотые приборы отъ 14 руб. до 18 руб. шт. серебрянн. „ „ отъ 6 руб. до 7 руб. шт.
ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ ВСЯКИХЪ ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ
Петроградъ. „ГИГЕНА“. Невскій, 74—17.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условия подписки на 1915 годъ
съ доставкой и пересылкой въ Россію:

на 12 м.—10 р., 9 м.—8 р., 50 к., 6 м.—5 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.
ЗА ГРАНИЦУ: 12 м.—20 р., 9 м.—16 р., 6 м.—11 р., 50 к., 3 м.—6 р., 2 м.—4 р., 1 м.—2 р.
Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какаго мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадцатыхъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается **разсрочка платежа:** для служащихъ по третью, черезъ ихъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1-му мая и 2 руб. къ 1-му сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльномъ письмѣ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода—4 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса взимается каждаго разъ 40 коп.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ Редакціи: МОСКВА, Тверская, Пименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23; въ ПЕТРОГРАДѢ: въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ: Agence Navas, Place de la Bourse.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петроградѣ производится на вокзалѣ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ. Стоимость отд. №№ „Моск. Вѣд.“—5 к. Редакторъ-издатель Б. В. Назаревоній.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 ГОДЪ

(VII-й годъ изданія)

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„КОММЕРСАНТЪ“

Изданіе Акц. О-ва Изд. и Печ. дѣла „Московское Издательство“.
(ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—10 р., на 1/2 г.—6 р., на 1/4 г.—3 р. 50 к.)

„КОММЕРСАНТЪ“ является единственнымъ въ Россіи частнымъ изданіемъ, посвященн. интер. торгово-промышленной и финансовой жизни.

„КОММЕРСАНТЪ“ располагаетъ обширною сѣтью корреспондент. обслуживающихъ всѣ торгово-промышлен. центры, города и мѣстечки Россіи.

„КОММЕРСАНТЪ“ ежедневно помещаетъ на своихъ столбцахъ руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ коммерціи, ежедневныя телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ о русскихъ и иностранныхъ фондовыхъ котировкахъ, а въ отдѣлѣ товарнаго рынка—свѣдѣнія о хлопкѣ, льнѣ, коноплѣ, шерсти, хлѣбѣ, рыбѣ, нефти, масличн. продуктахъ и проч. и подробные отчеты о свѣдѣніяхъ московскихъ хлопково-мануфактурномъ, хлѣбномъ и мясномъ рынкахъ.

„КОММЕРСАНТЪ“ обращаетъ особое вниманіе на биржевой отдѣлъ.

Ни одно крупное явленіе коммерческаго міра не проходитъ неотмѣченнымъ на столбц. газеты „КОММЕРСАНТЪ“.

„КОММЕРСАНТЪ“ является необходимымъ спутникомъ и совѣтникомъ всякаго купца, торговца, промышленника, адвоката, финансиста, коммивояжера и вообще дѣльца.

Въ 1915 году редакція „КОММЕРСАНТА“ организуетъ широко поставленный отдѣлъ:

СПРАВОЧНОЕ БЮРО „КОММЕРСАНТА“

въ которомъ всѣ подписчики „Коммерсанта“ смогутъ получить исчерпывающія свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ:

1) Цѣны на товары, мѣсто ихъ производства и фирмы, ими торгующія (исчерпывающе будетъ обслуженъ мануфактурный рынокъ, центромъ котораго является Москва), стоимость провоза, пошлины и т. д., рынки и условия сбыта, адреса заинтересованныхъ въ данномъ товарѣ лицъ,—словомъ, всѣ свѣдѣнія какъ по вопросамъ экспорта, такъ и по вопросамъ внутренняго товарооборота.

2) Постановка какаго либо новаго производства: указанія и планы смѣты и чертежи, проекты и т. п.

3) Всевозможныя справки, совѣты и указанія бухгалтерск. и юридическ. характера.

Къ участію въ справочномъ отдѣлѣ привлеченъ рядъ видныхъ, добросовѣстныхъ и авторитетныхъ специалистовъ по всѣмъ отраслямъ торговли, промышленности и права.

Всѣ новые подписчики „КОММЕРСАНТА“ пользуются дѣятельностью справочнаго отдѣла

БЕЗПЛАТНО

за исключеніемъ особо сложныхъ порученій (составленіе смѣты, проектовъ, чертежей и т. д.), сложная бухгалтерская работа, какъ проверка книгъ, отчетностей и т. д., сложные юридическіе совѣты, наведеніе справокъ и т. д.), которая будетъ выполняться свѣдующими лицами, за особое минимальное вознагражденіе.

Подробныя свѣдѣнія о порядкѣ сношеній со справочнымъ отдѣломъ будутъ опубликованы на страницахъ „КОММЕРСАНТА“.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, „Коммерсантомъ“ издаются „Списки пріѣзжихъ“ (въ Москву).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ИХЪ: на годъ—20 руб. совместно съ „Коммерсантомъ“—30 руб.

Адресъ: МОСКВА, Б. Дмитровка, 26. Главной Конторѣ „Московское Издательство“.

4 р.

въ годъ

за 24 нн.

БЮЛЛЕТЕНИ

литературы и жизни

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914—15 годъ (6-й г. изд.)

Двухнедельный журналъ новаго типа.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 5—6 печат. л. большаго формата. За годъ выйдеть 24 кн. (болѣе 2000 страницъ). „Бюллетени“ идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интелл. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью, какъ периодич. такъ и непериод., какъ русской, такъ и иностранной. Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной, духовной жизни современности. „Бюллетени“—это коллективная литер. работа наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольному книгю для каждаго, серьезно интересующаго внутреннюю жизнь человѣческаго коллектива. За истекшій годъ въ „Бюлл.“ напеч. 226 ст. по самымъ разн. вопр. Кромѣ того даны: 1) сводъ отзывовъ о 500 книгахъ; 2) перечень около 3000 нов. кн., 3) содерж. болѣе 75 журн. за годъ и 4) библиографія по ряду отдѣльныхъ вопросовъ. Библиографія въ „Бюлл.“ ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

Трагическимъ событіямъ современной войны „Бюлл.“ удѣляютъ особенное вниманіе, стремясь отразить на своихъ стр. все, что унозитъ глубину и серьезность переживаемаго момента.

Проспектъ журн. высылается бесплатно. Подписная цѣна: на годъ 4 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к. За границу на годъ 5 р. Для сельск. учит., при непосредственномъ обращеніи въ контору, на годъ 3 р. 50 к. Подписка приним. во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полныя комплекты „Бюлл.“ Цѣна копил. на 1911/12 и 1912/13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; 1913/14 г.—4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Подписной годъ начинается съ 1-го сент. Можно подпис. съ 1-го числа напередъ мѣс.

Контора и ред.: Москва, Хлѣбный пер., д. I. Тел. 5-02-06.

Издатели: В. Краудевоній и В. Носенковъ. ● Редакторъ: В. Краудевоній.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

„Н О В Ъ“

Выходитъ при участіи А. Суворина (Алексѣя Порошина), А. Боровова, В. Боцяновскаго, Н. Мамонтова, Ф. Купчинскаго, Н. Раевского, П. Успенскаго, Н. Туркина и др.

Программа газеты: Давая общіе факты и событія жизни, иллюстрируя ихъ множествомъ рисунковъ, „Новъ“ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и много интереснаго и содержательнаго чтенія. Вопросы духовнаго и физическаго развитія человѣка и оживленія общественнаго почва—для нея на первомъ планѣ. „Не только читай, но и дѣлай самъ кругомъ себя, что можешь, гдѣ одинъ, гдѣ—сообща съ другими“—постоянное обращеніе газеты къ своему читателю, и особый отдѣлъ въ ней посвященъ кооперации и развитію обща съ читателями общественныхъ предпріятій на кооперативныхъ основахъ. На область искусства и науки газетой обращено особенное вниманіе и по нимъ постоянно помещаются ея обстоятельныя статьи.

Собственные корреспонденты на войнѣ: Н. А. МАМОНТОВЪ, Вл. СѢРОВЪ, корреспондентъ-художникъ М. А. СУГАНОВЪ.

Въ „Н О В И“ будутъ напечатаны:

„За кулисами великой войны“, романъ Г. Бегака изъ современной военно-политической жизни Европы.

Историческій романъ В. Ф. Боцяновскаго „Воронка душъ“, изъ жизни Эк. Ф. Татариновой, извѣстной основательницы духовнаго союза въ Михайловскомъ дворцѣ (время Александра I).

„Граждане неба“, очерки путешествія къ пустыннымъ Кавказскимъ горъ, Николая Раевского (со многими рисунками).

„Въ поискахъ чудснаго“, иллюстрированныя очерки путешествія въ Индію, П. Д. Успенскаго.

Принимается подписка на 1915 годъ.
1 годъ—6 р., 11 м.—5 р. 75 к., 10 м.—5 р. 50 к., 9 м.—5 р. 30 к., 8 м.—4 р. 80 к., 7 м.—4 р. 35 к., 6 м.—3 р. 75 к., 5 м.—3 р. 25 к., 4 м.—2 р. 65 к., 3 м.—2 р. 2 м.—1 р. 35 к., 1 м.—70 к.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Тверская, Мамоновскій пер., д. № 12.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Кузнецкій мостъ, № 11.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1915 г. (34-й г. изд.)

„РЕБУСЪ“ СТАРѢЙШІЙ ВЪ РОССІИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАГО НАУЧНАГО ЖУРНАЛА

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатіи, вселендіи, передача мыслей, раздвоеніе личности, одержанія, сомнамбулизмъ, животнаго магнетизма, гипнотизма и опризмизма; изслѣдов. въ области древней и новой мистическаго тесосфіи, масонство и т. п. оворные вопросы науки и жизни.

Выходитъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ, выпусками отъ одного до 2-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Отзвѣвы о новыхъ и старыхъ книгахъ: совѣты, разъясненія и отвѣты на дающія на запросы и письма подписчиковъ.

Подписная цѣна: на годъ—5 руб., на полгода—3 руб., за границу на годъ—6 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала—Бол. Дорогомил. ул., Бородинскаго моста, домъ № 3 (телеф. 2-28-93) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.